

Психопатологические расстройства у подростков Республики Тыва с различным онлайн-поведением

Лидия С. Эверт

Научно-исследовательский институт медицинских
проблем Севера — обособленное подразделение ФИЦ КНЦ СО РАН, Российская Федерация

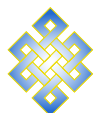
В статье анализируются проблемы расстройств психопатологического спектра у подростков и молодежи Республики Тыва с различными видами онлайн-поведения — адаптивным, неадаптивным и патологическим.

Источником анализа выступили результаты онлайн-тестирования случайных выборок лиц подростково-юношеского возраста, проводившегося в 2022–2023 гг. (1028 чел.: 76 русских и 952 тувинцев) с использованием Google Forms скрининговой анкеты и психометрических опросников для верификации вида онлайн-поведения и компонентов интернет-контента. Для оценки психопатологических расстройств у участников исследования был использован Симптоматический опросник SCL-90-R, который позволяет верифицировать характеристики девяти шкал. В анализ включены показатели шести из них: обсессивности-компульсивности, межличностной сензитивности, враждебности,

фобической тревожности, паранойяльных тенденций и психотизма, а также интегральные характеристики — интенсивность дистресса и общий индекс тяжести симптомов.

Выявлено, что независимо от варианта онлайн-поведения тувинская часть выборки характеризуется более низким уровнем интенсивности дистресса (47,9% у тувинцев и 34,9% у русских). Обнаружены этнические различия в группах с одинаковым онлайн-поведением. Как у русских, так и у тувинцев с патологическим использованием интернета значительно чаще выявлялись выраженные обсессивность-компульсивность, межличностная сензитивность, враждебность, паранойяльные тенденции, психотизм, а также повышенная интенсивность дистресса и высокий общий индекс тяжести симптомов. Среди респондентов с адаптивным онлайн-поведением большая доля лиц с высоким уровнем обсессивности-компульсивности и общего индекса тяжести симптомов наблюдалась в русской группе по сравнению с тувинскими сверстниками. Подростки-тувинцы с адаптивным и неадаптивным видом онлайн-поведения чаще характеризовались низкой интенсивностью дистресса, чем аналогичные группы представителей русского этноса.

Ключевые слова: Тува; подросток; молодежь; онлайн-поведение; тувинцы; русские Тувы; обсессивность-компульсивность; межличностная сензитивность; враждебность; фобическая тревожность; паранойяльная тенденция; психотизм

Для цитирования:

Эверт Л. С. Психопатологические расстройства у подростков Республики Тыва с различным онлайн-поведением // Новые исследования Тувы. 2026. № 3. С. 166–195. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2026.3.11>

Эверт Лидия Семеновна — доктор медицинских наук, главный научный сотрудник клинического отделения соматического и психического здоровья детей Научно-исследовательского института медицинских проблем Севера Красноярского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. Адрес: 660022, Россия, г. Красноярск, ул. Партизана Железняка, д. 3г. Эл. адрес: lidiya_evert@mail.ru

EVERT, Lydia Semenovna, Doctor of Medical Sciences, Chief Researcher, Clinical Department of Somatic and Mental Health of Children, Research Institute of Medical Problems of the North, Krasnoyarsk Scientific Center, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences. Postal address: 3g Partizana Zheleznyaka St., 660022, Russia, Krasnoyarsk. Email: lidiya_evert@mail.ru

ORCID: 0000-0003-0665-7428

Psychopathological disorders in adolescents of the Republic of Tuva with different types of online behavior

Lidiya S. Evert

Institute of Medical Problems of the North, Krasnoyarsk Scientific Center,
SB RAS, Russian Federation

The article analyzes problems of psychopathological spectrum disorders in adolescents and young people in the Republic of Tuva with different types of online behavior: adaptive, maladaptive, and pathological. The analysis is based on the results of online testing of random samples of individuals of adolescent and youth age, conducted in 2022–2023 (1,028 participants: 76 Russians and 952 Tuvans) using Google Forms, a screening questionnaire, and psychometric scales to verify the type of online behavior and components of Internet content. To assess psychopathological disorders in the study participants, the Symptom Checklist SCL-90-R was used, which makes it possible to verify the characteristics of nine scales. The analysis included indicators of six of them: obsessiveness–compulsiveness, interpersonal sensitivity, hostility, phobic anxiety, paranoid ideation, and psychoticism, as well as integral indices: intensity of distress and the global severity index of symptoms.

It was found that, regardless of the type of online behavior, the Tuvan part of the sample is characterized by a lower level of distress intensity (47.9% among Tuvans and 34.9% among Russians). Ethnic differences were identified in groups with the same type of online behavior. Among both Russians and Tuvans with pathological Internet use, pronounced obsessiveness–compulsiveness, interpersonal sensitivity, hostility, paranoid ideation, psychoticism, as well as increased intensity of distress and a high global severity index of symptoms were recorded significantly more often. Among respondents with adaptive online behavior, a larger proportion of individuals with a high level of obsessiveness–compulsiveness and a high global severity index of symptoms was observed in the Russian group compared to their Tuvan peers. Tuvan adolescents with adaptive and maladaptive types of online behavior were more often characterized by low distress intensity than comparable groups of representatives of the Russian ethnic group.

Keywords: Tuva; adolescent; youth; online behavior; Tuvans; Russians of Tuva; obsessiveness–compulsiveness; interpersonal sensitivity; hostility; phobic anxiety; paranoid ideation; psychoticism

For citation:

Evert L. S. Psychopathological disorders in adolescents of the Republic of Tuva with different types of online behavior. *New Research of Tuva*, 2026, no. 3, pp. 166–195 (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2026.3.11>

Введение

Юношеский возраст является критической стадией в жизненном цикле человека, и его можно определить как переходный период от детства ко взрослой жизни, в течение которого люди испытывают серьезные биологические, когнитивные и социально-эмоциональные изменения. Подростки вынуждены справляться со стрессовыми жизненными событиями и проблемами, вызванными этими изменениями. Они сталкиваются с конкретными задачами развития, включая начало самостоятельной жизни и переопределение отношений со взрослыми и сверстниками. Неоспоримую роль в формировании личности играет Интернет, предоставляя подростку возможности для общения со сверстниками, получения новых знаний и самовыражения (Черемисина, Комаров, 2021; Кекеева и др., 2022).

В последние десятилетия неадаптивное пользование Интернетом или интернет-зависимость (ИЗ) стала одной из наиболее актуальных проблем во всех странах мира, достигнув глобальных масштабов, сопоставимых с последствиями других поведенческих аддикций, особенно в подрост-

ково-молодежной среде (Егоров и др., 2020; Эверт, Серен-оол, Сат, 2023; Piqueras et al., 2024; Tereshchenko et al., 2022). Стремительная цифровизация радикально изменила структуру досуга, общения и обучения подростков, сделав Интернет основной средой их социальной активности и самореализации. Подростковый возраст при этом является критически важным с точки зрения их нейропсихологического развития, формирования идентичности и уязвимости к поведенческим аддикциям. На этом фоне неадаптивное и патологическое пользование интернетом (*problematic internet use*, интернет-зависимость) всё чаще рассматривается как один из ведущих факторов риска расстройств психопатологического спектра в подростково-юношеском возрасте (Restrepo et al., 2020; Tereshchenko et al., 2022; Bickham, 2021; Peterka-Bonetta et al., 2019).

Многочисленные популяционные исследования и мета-анализы последних лет показывают, что распространённость проблемного интернет-использования среди детей и подростков в разных странах колеблется в интервале 7–15%, при этом доля подростков с неадаптивным использованием Интернета (группы риска) нередко достигает 20–30%. В докладах ЕС и ВОЗ подчёркивается необходимость системного мониторинга дезадаптивного использования интернета подростками и разработки для данного контингента целевых профилактических стратегий (Tereshchenko et al., 2022; Restrepo et al., 2020; Becerril-Atxikallende, Jaureguizar, Galende 2025; Nogueira-López., 2023; Jayanti et al., 2024).

Особую актуальность проблема приобретает в связи с устойчиво демонстрируемой ассоциацией интернет-зависимого поведения с широким спектром психопатологических проявлений (Bickham, 2021; Shannon et al., 2022; Guo et al., 2020; Winds, Aebi, Plattner, 2024; Rajanna, Sathyanath, 2021; Piqueras et al., 2024). Высоко значима ассоциация интернет-зависимого поведения с агрессивностью, враждебностью и нарушениями межличностных отношений (Guo et al., 2020; Yen-Ju et al., 2020; Hayat, Shahla, Summiya, 2024; Ran et al., 2025; Lee et al., 2019).

Интернет-зависимость (ИЗ), как генерализованная, так и ее специфические формы (проблемное использование смартфонов, социальных сетей, компьютерных игр), является актуальной проблемой общественного здравоохранения вследствие высокой распространенности среди подростков и частой коморбидности с психическими расстройствами (Семенова и др., 2022). В последние десятилетия интернет-зависимое поведение у подростков демонстрирует устойчивую и тревожную связь с широким спектром нарушений нервно-психического здоровья. Прежде всего, аддиктивные формы поведения часто сопровождаются коморбидными психическими расстройствами, такими как депрессивные эпизоды, генерализованное тревожное расстройство, социальная фобия и синдром дефицита внимания и гиперактивности (СДВГ). Помимо этого, они тесно ассоциируются с аффективными расстройствами, импульсивностью и низкой самооценкой.

Со стороны психопатологической симптоматики у интернет-зависимых подростков наблюдается более выраженная картина обсессивно-компульсивных, тревожных, депрессивных и конверсионных расстройств. Развитие интернет-зависимого поведения у подростков и молодежи обусловлено рядом личностных факторов, связанных с возрастными особенностями. К ним относятся: стремление к новым ощущениям, повышенная тревожность, агрессивность и враждебность к социальному окружению, дефицит коммуникативных навыков. Эти факторы создают предпосылки для формирования уязвимых групп молодежи в интернет-среде (Гончарова, 2022).

Для российской подростковой популяции актуальность проблемы усугубляется сочетанием общих мировых тенденций цифровизации с особенностями социально экономического контекста и состоянием их психического здоровья. Региональные исследования в республиках Сибири, включая Туву, подчёркивают сочетание неблагоприятных социальных факторов, высокой нагрузки стрессоров и быстрого роста цифровой включённости подростков, что формирует «идеальные условия» для формирования поведенческих аддикций и связанных с ними психопатологических расстройств (Эверт и др., 2020; Семенова и др., 2020; Фотекова и др., 2024; Tereshchenko et al., 2021, 2022; Гречаный и др., 2020).

Концептуальная основа исследования опирается на теоретические подходы, рассматривающие расстройства психопатологического спектра (РППС) как одно из частых проявлений нарушения психоэмоционального статуса подростков, связь этих расстройств с особенностями онлайн-поведения, а также закономерности распространения и этнических различий психопатологических нарушений, ассоциированных с использованием интернета подростками Тувы.

Зарубежные исследования убедительно демонстрируют выраженную коморбидность патологического использования Интернета и его специфических форм со спектром психопатологических состояний, оказывающих негативное влияние на нервно-психическое здоровье молодежи (Rajanna, Sathyanath, 2021; Bickham, 2021; Becerril-Atxikallende, Jaureguizar, Galende, 2025; Nogueira-López et al., 2023; Guo et al., 2020). Однако в России такие исследования немногочисленны, а сведения о распространенности дезадаптивного использования Интернета среди подростков различных регионов остаются разрозненными и неполными, особенно в отношении национальных республик Южной и Восточной Сибири (Эверт, Серен-оол, Сат, 2023; Фотекова и др., 2024).

Изложенное выше подтверждает актуальность и необходимость изучения распространенности РППС и их связи с особенностями онлайн-поведения подростков с учетом этнических различий, что особенно значимо для молодежи национальных республик Южной и Восточной Сибири.

Целью настоящего исследования стала оценка выраженности расстройств психопатологического спектра у подростков Тувы — представителей тувинского и русского этносов с различными типами онлайн-поведения: адаптивным, неадаптивным и патологическим использованием Интернета. Для достижения поставленной цели были определены следующие задачи: проанализировать распространенность различных типов онлайн-поведения в общей выборке подростков Тувы и отдельно в группах тувинского и русского этносов; изучить связь психопатологических расстройств (обсессивность-компульсивность, межличностная сензитивность, враждебность, фобическая тревожность, паранойяльные тенденции и психотизм) с онлайн-поведением в общей группе исследования; выявить этнические особенности характеристик расстройств психопатологического спектра у подростков Тувы в зависимости от типа онлайн-поведения.

Материал и методы исследования

Материалы данной работы являются частью комплексного исследования, проведенного в рамках научной тематики Научно-исследовательского института медицинских проблем Севера (НИИ МПС) ФИЦ КНЦ СО РАН по двум темам научно-исследовательских работ: «Соматические и психологические аспекты адаптации детей и подростков Центральной Сибири в условиях распространения новых компьютерных технологий, интенсификации учебного процесса и социокультурной трансформации коренных этносов» (2021–2023 гг.); «Психосоматические расстройства у подростков Центральной Сибири: распространенность, структура, психологические факторы риска и нейрогенетические предикторы» (2024–2026 гг., рег. № ЕГИСУ НИОКТР 124020100064–6). Исследование выполнено коллективом клинического отделения соматического и психического здоровья детей (руководитель — д. м. н., профессор С. Ю. Терещенко) в соответствии с этическими принципами Хельсинкской декларации Всемирной медицинской ассоциации и одобрено Комитетом по биомедицинской этике ФИЦ КНЦ СО РАН.

Исследование проведено методом онлайн-тестирования (Google Forms) в 2022–2023 гг. с использованием шкалы интернет-зависимости С.-Н. Чена (CIAS) и психометрического опросника SCL-90-R (Symptom Checklist-90-Revised). В исследование включены 1028 лиц подростково-юношеской популяции в возрасте 12–18 лет, постоянно проживающих в Республике Тыва, из них: 952 представителя тувинского этноса и 76 русского этноса — учащихся средних общеобразовательных учебных заведений и средних специальных учебных заведений (колледжей, училищ). Медиана возраста участников составила 15,0 [14,0; 16,0] лет. Распределение по полу: мужчины — 37,0% (380 человек), женщины — 63,0% (648 человек). Исследование проведено с одобрения Министерства здравоохранения Республики Тыва, согласовано с администрациями учебных заведений. От всех участников получено информированное согласие.

Нами обследованы случайные выборки подростков, что, безусловно, не позволяет претендовать на полную репрезентативность всей подростковой популяции регионов, охваченных скринингом, в том числе — лиц подросткового возраста Тувы, формирование репрезентативной группы нами не планировалось. При использовании в тексте понятия «подростки Тувы», мы имеем в виду только территориальное проживание (подростки Тувы), а не их этническую принадлежность.

В исследовании использованы стандартные термины для классификации онлайн-поведения: адаптивное пользование интернетом (АПИ), неадаптивное пользование Интернетом (НПИ) и пато-

логическое пользование Интернетом (ППИ), принятые в международных медико-социальных исследованиях (Durkee et al., 2016). Классификация типов онлайн-поведения проведена с использованием шкалы интернет-зависимости С.-Н. Чена (Chen Internet Addiction Scale, CIAS) (Chen et al., 2003), адаптированной В. Л. Малыгиным и К. А. Феклисовым¹. Интерпретация результатов осуществлялась в соответствии со следующими диапазонами суммарного балла: 27–42 балла — адаптивное пользование интернетом (АПИ); 43–64 балла — неадаптивное пользование интернетом (НПИ); 65 и выше — патологическое пользование интернетом (ППИ) / интернет-зависимость (ИЗ).

Для оценки психопатологической симптоматики использовался опросник SCL-90-R (Symptom Checklist-90-Revised) (Derogatis, Lipman, Covi, 1973; и др.²), состоящий из 90 пунктов, организованных в девять основных шкал и три интегральных индекса. Основные шкалы охватывают следующие характеристики: соматизация, обсессивно-компульсивные симптомы, межличностная чувствительность, депрессия, тревога, враждебность, фобическая тревожность, паранойяльность и психотизм. Интегральные индексы включают: общий индекс тяжести симптомов (GSI), индекс симптоматического дистресса (PSDI) и общее число утвердительных ответов (PST). Каждый пункт опросника оценивается по пятибалльной шкале Лайкерта (от 0 до 4), где 0 означает «совсем нет», а 4 — «очень сильно».

Анализ включал оценку выраженности шести шкал опросника SCL-90-R у подростков трёх групп сравнения, различающихся по типу онлайн-поведения: адаптивное пользование Интернетом (АПИ), неадаптивное пользование Интернетом (НПИ) и патологическое пользование Интернетом (ППИ). Степень выраженности психопатологических расстройств классифицировалась в соответствии с авторскими критериями, разработанными для каждой из анализируемых шкал. Оценивались три уровня выраженности: низкий, умеренно выраженный и значительно выраженный. При анализе также использовались три интегральных показателя: общий индекс тяжести симптомов (GSI), индекс симптоматического дистресса (PSDI) и общее число утвердительных ответов (PST). Характеристики шкал опросника оценивали в общей выборке подростков с различными типами онлайн-поведения и отдельно в группах, сформированных по этнической принадлежности.

Статистический анализ проведен на основе электронной базы данных, сформированной из результатов онлайн-тестирования. Обработка данных выполнена с использованием модуля непараметрических статистик программы Statistica 12 for Windows (StatSoft Inc., США). Бинарные признаки представлены в виде процентных долей с 95% доверительными интервалами (ДИ), рассчитанными по методу Уилсона с использованием онлайн-калькулятора. Для сравнения категориальных переменных между двумя независимыми группами применялся критерий χ^2 Пирсона. Различия считали статистически значимыми при уровне $p \leq 0,05$. В анализ включались только те опросники и шкалы, по которым участники исследования предоставили полные ответы на все пункты.

Распространенность и структура онлайн-поведения

Среди всех обследованных в Туве подростков, включенных в статистический анализ, адаптивное (АПИ) и неадаптивное (НПИ) пользование Интернетом регистрировалось у равного числа лиц, соответственно: АПИ — у 44,6% (459/1028, ДИ = 41,6–47,7) и НПИ — у 44,6% (458/1028, ДИ = 41,5–47,6; $p_{1-2} = 0,965$, $\chi^2 = 0,00$), а 10,8% (111/1028, ДИ = 9,0–12,8) обследованных характеризовались патологическим использованием Интернетом (ППИ).

Среди подростков русской этнической принадлежности АПИ отмечалось у 56,6% (43/76, ДИ = 45,4–67,1), НПИ у 32,9% (25/76, ДИ = 23,4–44,1) и ППИ — у 10,5% (8/76, ДИ = 5,4–19,4), $p_{1-2} = 0,004$, $\chi^2 = 8,62$; $p_{1-3} < 0,001$, $\chi^2 = 36,15$; $p_{2-3} < 0,001$, $\chi^2 = 11,19$.

Аналогичные показатели у подростков-тувинцев составляли 43,7% (416/952, ДИ = 40,6–46,9), 45,5% (433/952, ДИ = 42,3–48,7) и 10,8% (103/952, ДИ = 9,0–13,0), $p_{1-2} = 0,434$, $\chi^2 = 0,61$; $p_{1-3} < 0,001$, $\chi^2 = 259,50$; $p_{2-3} < 0,001$, $\chi^2 = 282,78$.

¹ Малыгин В. Л., Феклисов К. А. Интернет-зависимое поведение. Критерии и методы диагностики: учебное пособие. М.: МГМСУ, 2011.

² Derogatis L. R. Symptom Checklist-90-R: Administration, scoring & procedure manual for the revised version of the SCL-90. Minneapolis, MN: National Computer Systems, 1994.

Опросник SCL-90-R (Symptom Checklist-90-Revised) является одним из наиболее широко применяемых стандартизированных инструментов для оценки расстройств психопатологического спектра. Применение SCL-90-R позволило выявить распространенность психопатологической симптоматики у подростков с различными типами онлайн-поведения. Психопатологическая симптоматика у подростков с различными типами онлайн-поведения отличается значительным разнообразием проявлений. Ниже представлены результаты анализа шести шкал опросника, которые были включены в исследование и характеризуют психопатологический профиль подростков с адаптивным использованием Интернетом (АПИ), неадаптивным использованием Интернетом (НПИ) и патологическим использованием Интернетом (ППИ).

Обсессивно-компульсивные симптомы являются одним из компонентов психопатологических расстройств. Они включают когнитивные и поведенческие проявления: непроизвольные мысли, компульсивные действия и перфекционизм. Обсессивно-компульсивные расстройства (ОКР) характеризуются навязчивыми мыслями (обсессиями) и повторяющимися действиями (компульсиями), которые направлены на снижение тревоги.

Таблица 1 представляет результаты анализа распространенности и выраженности обсессивно-компульсивных расстройств (ОКР) у подростков с различными типами онлайн-поведения в зависимости от этнической принадлежности.

Таблица 1. Уровень обсессивности-компульсивности у подростков русской и тувинской этнической принадлежности с различным онлайн-поведением
Table 1. Obsessive-compulsive behavior in Russian and Tuvan adolescents with different online behavior

Группы обследованных	Уровень обсессивности-компульсивности						Р
	(а) Низкий		(в) Умеренно выражен		(с) Значительно выражен		
	абс.	% (ДИ)	абс.	% (ДИ)	абс.	% (ДИ)	
1 гр. Русские с АПИ (п=35)	23	65,7 (49,2–79,2)	7	20,0 (10,0–35,9)	5	14,3 (6,3–29,4)	ав=0,0001 ас<0,0001 вс=0,5259
2 гр. Русские с НПИ (п=26)	13	50,0 (32,1–67,9)	7	26,9 (13,7–46,1)	6	23,1 (11,0–42,1)	ав=0,0872 ас=0,0438 вс=0,7488
3 гр. Русские с ППИ (п=8)	3	37,5 (13,7–69,4)	0	0,0 (0,0–32,4)	5	62,5 (30,6–86,3)	ав=0,0547 ас=0,3173 вс=0,0070
4 гр. Тувинцы с АПИ (п=390)	321	82,3 (78,2–85,8)	47	12,0 (9,2–15,7)	22	5,6 (3,8–8,4)	ав<0,0001 ас<0,0001 вс=0,0016
5 гр. Тувинцы с НПИ (п=426)	215	50,5 (45,7–55,2)	115	27,0 (23,0–31,4)	96	22,5 (18,8–26,7)	ав<0,0001 ас<0,0001 вс=0,1316
6 гр. Тувинцы с ППИ (п=105)	31	29,6 (21,6–38,8)	24	22,9 (15,9–31,8)	50	47,6 (38,3–57,1)	ав=0,2719 ас=0,0071 вс=0,0002
Всего (п=990)	606	61,2 (58,1–64,2)	200	20,2 (17,8–22,8)	184	18,6 (16,3–21,1)	ав<0,0001 ас<0,0001 вс=0,3631
р1–2 (χ2)	р1–2=0,2172 (χ2=1,52)		р1–2=0,5249 (χ2=0,40)		р1–2=0,3771 (χ2=0,78)		

p1-3 (χ^2)	p1-3=0,1409 (χ^2 =2,17)	p1-3=0,1668 (χ^2 =1,91)	p1-3=0,0036 (χ^2 =8,48)	
p2-3 (χ^2)	p2-3=0,5356 (χ^2 =0,38)	p2-3=0,0996 (χ^2 =2,71)	p2-3=0,0371 (χ^2 =4,34)	
p4-5 (χ^2)	p4-5<0,0001 (χ^2 =91,57)	p4-5<0,0001 (χ^2 =28,58)	p4-5<0,0001 (χ^2 =46,98)	
p4-6 (χ^2)	p4-6<0,0001 (χ^2 =112,20)	p4-6=0,0051 (χ^2 =7,86)	p4-6<0,0001 (χ^2 =117,28)	
p5-6 (χ^2)	p5-6=0,0001 (χ^2 =14,86)	p5-6=0,3876 (χ^2 =0,75)	p5-6<0,0001 (χ^2 =26,59)	
p1-4 (χ^2)	p1-4=0,0167 (χ^2 =5,73)	p1-4=0,1762 (χ^2 =1,83)	p1-4=0,0446 (χ^2 =4,03)	
p2-5 (χ^2)	p2-5=0,9629 (χ^2 =0,00)	p2-5=0,9936 (χ^2 =0,00)	p2-5=0,9489 (χ^2 =0,00)	
p3-6 (χ^2)	p3-6=0,6354 (χ^2 =0,22)	p3-6=0,1276 (χ^2 =2,32)	p3-6=0,4169 (χ^2 =0,66)	

Прим.: Жирным шрифтом выделены статистически значимые различия сравниваемых показателей, иллюстрируемые значениями «р».

Среди 990 подростков Тувы, включенных в обследование и предоставивших полные ответы на шкалу обсессивно-компульсивных симптомов, 61,2% продемонстрировали низкий уровень выраженности: проявления навязчивостей у них были незначительными. Умеренно выраженный уровень обсессивно-компульсивных расстройств отмечен у 20,2% участников, а значительную выраженность симптомов выявили у 18,6% подростков (табл. 1).

Среди русских подростков значительно выраженной симптоматикой навязчивостей чаще отличались лица с ППИ, чем с АПИ (62,5% и 14,3%), кроме того, у подростков с ППИ чаще, чем в группе с НПИ, регистрировался значительно выраженный уровень обсессий и компульсий — 62,5% против 23,1% (табл. 1).

Среди подростков-тувинцев значительной выраженностью ОКР чаще отличались лица с ППИ (47,6%) в сравнении с НПИ (22,5%) и АПИ (5,6%), в тоже время степень выраженности данной характеристики у подростков с НПИ была выше аналогичного показателя у подростков-тувинцев с АПИ. Умеренно выраженный уровень ОКР значительно чаще был характерен для подростков-тувинцев с ППИ (22,9%), чем с АПИ (12,0%); подростков с НПИ также отличала значительно более частая встречаемость данного показателя в сравнении с группой с АПИ (27,0% против 12,0%). Противоположная направленность межгрупповых различий касалась низкого уровня ОКР: у подростков-тувинцев низкий уровень данного показателя регистрировался значительно реже у лиц с ППИ (29,6%), чем с НПИ (50,5%) и АПИ (82,3%), а у лиц с НПИ чаще, чем с АПИ (табл. 1).

Этнические различия анализируемого показателя включали более частую встречаемость ОКР значительной степени выраженности у подростков русского этноса с АПИ (14,3%) в сравнении с аналогичной выраженностью показателя у подростков-тувинцев с АПИ (5,6%). Среди обследованных с АПИ подростки-тувинцы отличались более частой встречаемостью низкого уровня ОКР — 82,3% против 65,7% (табл. 1).

Межличностная сензитивность (Interpersonal Sensitivity, INT) является еще одним компонентом расстройств психопатологического спектра. Эта шкала измеряет дискомфорт в межличностных взаимодействиях, проявляющийся в виде чувства неполноценности, застенчивости и негативных ожиданий от общения. Расстройство характеризуется чувствами личностной неадекватности и неполноценности, которые особенно выражены при сравнении себя с другими людьми. В таблице 2 представлены результаты анализа межличностной сензитивности у подростков групп сравнения с различными типами онлайн-поведения.

Таблица 2. Уровень межличностной сензитивности у подростков русской и тувинской этнической принадлежности с различным онлайн-поведением

Table 2. Level of interpersonal sensitivity in adolescents of Russian and Tuvan ethnicity with different online behavior

Группы обследованных	Уровень межличностной сензитивности						Р
	(а) Низкий		(в) Умеренно выражен		(с) Значительно выражен		
	абс.	% (ДИ)	абс.	% (ДИ)	абс.	% (ДИ)	
1 гр. Русские с АПИ (п=33)	25	75,8 (59,0–87,2)	4	12,1 (4,8–27,3)	4	12,1 (4,8–27,3)	ав<0,0001 ас<0,0001 вс=1,0000
2 гр. Русские с НПИ (п=26)	13	50,0 (32,1–67,9)	3	11,5 (4,0–29,0)	10	38,5 (22,4–57,5)	ав=0,0027 ас=0,4022 вс=0,0250
3 гр. Русские с ППИ (п=8)	3	37,5 (13,7–69,4)	0	0,0 (0,0–32,4)	5	62,5 (30,6–86,3)	ав=0,0547 ас=0,3173 вс=0,0070
4 гр. Тувинцы с АПИ (п=349)	298	85,4 (81,3–88,7)	22	6,3 (4,2–9,4)	29	8,3 (5,8–11,7)	ав<0,0001 ас<0,0001 вс=0,3086
5 гр. Тувинцы с НПИ (п=414)	232	56,0 (51,2–60,7)	59	14,2 (11,2–17,9)	123	29,7 (25,5–34,3)	ав<0,0001 ас<0,0001 вс<0,0001
6 гр. Тувинцы с ППИ (п=104)	40	38,5 (29,7–48,1)	12	11,5 (6,7–19,1)	52	50,0 (40,6–59,4)	ав<0,0001 ас=0,0939 вс<0,0001
Всего (п=934)	611	65,4 (62,3–68,4)	100	10,7 (8,9–12,9)	223	23,9 (21,3–26,7)	ав<0,0001 ас<0,0001 вс<0,0001
p1–2 (χ^2)	p1–2=0,0402 ($\chi^2=4,21$)		p1–2=0,9452 ($\chi^2=0,00$)		p1–2=0,0182 ($\chi^2=5,57$)		
p1–3 (χ^2)	p1–3=0,0370 ($\chi^2=4,35$)		p1–3=0,2999 ($\chi^2=1,07$)		p1–3=0,0020 ($\chi^2=9,54$)		
p2–3 (χ^2)	p2–3=0,5356 ($\chi^2=0,38$)		p2–3=0,3143 ($\chi^2=1,01$)		p2–3=0,2311 ($\chi^2=1,43$)		
p4–5 (χ^2)	p4–5<0,0001 ($\chi^2=76,89$)		p4–5=0,0004 ($\chi^2=12,60$)		p4–5<0,0001 ($\chi^2=54,37$)		
p4–6 (χ^2)	p4–6<0,0001 ($\chi^2=93,14$)		p4–6=0,0753 ($\chi^2=3,16$)		p4–6<0,0001 ($\chi^2=94,84$)		
p5–6 (χ^2)	p5–6=0,0013 ($\chi^2=10,30$)		p5–6=0,4721 ($\chi^2=0,52$)		p5–6=0,0001 ($\chi^2=15,30$)		
p1–4 (χ^2)	p1–4=0,1435 ($\chi^2=2,14$)		p1–4=0,2047 ($\chi^2=1,61$)		p1–4=0,4563 ($\chi^2=0,56$)		
p2–5 (χ^2)	p2–5=0,5477 ($\chi^2=0,36$)		p2–5=0,6998 ($\chi^2=0,15$)		p2–5=0,3459 ($\chi^2=0,89$)		
p3–6 (χ^2)	p3–6=0,9570 ($\chi^2=0,00$)		p3–6=0,3093 ($\chi^2=1,03$)		p3–6=0,4956 ($\chi^2=0,46$)		

Прим.: Жирным шрифтом выделены статистически значимые различия сравниваемых показателей, иллюстрируемые значениями «р».

На шкалу межличностной сензитивности предоставили полные ответы 934 обследованных подростков Тувы. Среди участников исследования 65,4% продемонстрировали низкую выраженность межличностной чувствительности, с проявлениями в пределах допустимого уровня. Значительная выраженность отмечена у 23,9% подростков, а умеренно выраженный уровень выявлен у 10,7% участников (табл. 2).

Среди подростков русской этнической принадлежности значительно выраженной симптоматикой межличностной чувствительности характеризовалось большее число лиц с ППИ (62,5%), чем с АПИ (12,1%), а у подростков с НПИ анализируемая выраженность показателя встречалась чаще (38,5%), чем у подростков АПИ (12,1%). Напротив, у последних значительно чаще (75,8%) отмечался низкий уровень сензитивности в сравнении с группой ППИ (37,5%) и НПИ (50,0%) (табл. 2).

Среди подростков-тувинцев наличием значительно выраженных проявлений межличностной сензитивности чаще характеризовались лица с ППИ (50,0%), чем с НПИ (29,7%) и АПИ (8,3%), различия частоты встречаемости уровня выраженности анализируемой характеристики между подростками с НПИ и АПИ были также статистически значимыми. Направленность изменений низкого уровня сензитивности в сравниваемых группах была противоположной: встречаемость низкой выраженности межличностной сензитивности была выше у тувинцев с АПИ (85,4%), чем с НПИ (56,0%) и ППИ (38,5%). Среди подростков-тувинцев с НПИ была больше численность лиц с низким уровнем сензитивности (56,0%) в сравнении с группой АПИ (85,4%). Статистически значимых этнических различий частоты встречаемости и выраженности межличностной сензитивности выявлено не было (табл. 2).

Враждебность также нередко рассматривается в качестве одной из характерных особенностей проявлений психопатологических расстройств в подростковом возрасте. Шкала враждебности (Hostility) опросника измеряет наличие и выраженность агрессивных мыслей и поведения (раздражительность, вспышки гнева, чувство обиды). Таблица 3 иллюстрирует результаты сравнительного анализа проявлений *враждебности* у подростков с различным использованием Интернетом и этнической принадлежностью.

Таблица 3. Уровень враждебности у подростков русской и тувинской этнической принадлежности с различным онлайн-поведением
Table 3. Levels of hostility among adolescents of Russian and Tuvan ethnicity with different online behavior

Группы обследованных	Уровень враждебности						Р
	(а) Низкий		(в) Умеренно выражен		(с) Значительно выражен		
	абс.	% (ДИ)	абс.	% (ДИ)	абс.	% (ДИ)	
1 гр. Русские с АПИ (п=23)	16	69,6 (49,1–84,4)	4	17,4 (7,0–37,1)	3	13,0 (4,5–32,1)	ав=0,0004 ас=0,0001 вс=0,6815
2 гр. Русские с НПИ (п=25)	14	56,0 (37,1–73,3)	2	8,0 (2,2–25,0)	9	36,0 (20,2–55,5)	ав=0,0003 ас=0,1560 вс=0,0169
3 гр. Русские с ППИ (п=8)	3	37,5 (13,7–69,4)	0	0,0 (0,0–32,4)	5	62,5 (30,6–86,3)	ав=0,0547 ас=0,3173 вс=0,0070
4 гр. Тувинцы с АПИ (п=229)	179	78,2 (72,4–83,0)	30	13,1 (9,3–18,1)	20	8,7 (5,7–13,1)	ав<0,0001 ас<0,0001 вс=0,1340
5 гр. Тувинцы с НПИ (п=373)	218	58,4 (53,4–63,3)	66	17,7 (14,2–21,9)	89	23,9 (19,8–28,4)	ав<0,0001 ас<0,0001 вс=0,0379

6 гр. Тувинцы с ППИ (n=104)	42	40,4 (31,5–50,0)	18	17,3 (11,2–25,7)	44	42,3 (33,3–51,9)	ав=0,0002 ас=0,7783 вс=0,0001
Всего (n=762)	472	61,9 (58,4–65,3)	120	15,7 (13,3–18,5)	170	22,3 (19,5–25,4)	ав<0,0001 ас<0,0001 вс=0,0011
p1–2 (χ^2)	p1–2=0,3322 (χ^2 =0,94)		p1–2=0,3257 (χ^2 =0,87)		p1–2=0,0665 (χ^2 =3,37)		
p1–3 (χ^2)	p1–3=0,1088 (χ^2 =2,57)		p1–3=0,2063 (χ^2 =1,60)		p1–3=0,0059 (χ^2 =7,58)		
p2–3 (χ^2)	p2–3=0,3621 (χ^2 =0,83)		p2–3=0,4091 (χ^2 =0,68)		p2–3=0,1868 (χ^2 =1,74)		
p4–5 (χ^2)	p4–5<0,0001 (χ^2 =24,57)		p4–5=0,1350 (χ^2 =2,23)		p4–5<0,0001 (χ^2 =21,90)		
p4–6 (χ^2)	p4–6<0,0001 (χ^2 =45,74)		p4–6=0,3111 (χ^2 =1,03)		p4–6<0,0001 (χ^2 =51,93)		
p5–6 (χ^2)	p5–6=0,0011 (χ^2 =10,70)		p5–6=0,9271 (χ^2 =0,01)		p5–6=0,0002 (χ^2 =13,76)		
p1–4 (χ^2)	p1–4=0,3473 (χ^2 =0,88)		p1–4=0,5658 (χ^2 =0,33)		p1–4=0,4939 (χ^2 =0,47)		
p2–5 (χ^2)	p2–5=0,8103 (χ^2 =0,06)		p2–5=0,2125 (χ^2 =1,55)		p2–5=0,1726 (χ^2 =1,86)		
p3–6 (χ^2)	p3–6=0,8726 (χ^2 =0,03)		p3–6=0,1990 (χ^2 =1,65)		p3–6=0,2673 (χ^2 =1,23)		

Прим.: Жирным шрифтом выделены статистически значимые различия сравниваемых показателей, иллюстрируемые значениями «р».

Из 762 включенных в анализ обследованных общей выборки обследованных в Туве подростков с корректно данными ответами на вопросы шкалы «Hostility», 61,9% характеризовались низким (в пределах допустимого) уровнем проявлений враждебности, у 22,3% имела место значительно выраженная симптоматика враждебности и 15,7% опрошенных отличались умеренной выраженностью проявлений враждебности (табл. 3).

Среди русских подростков единственным показателем, имевшим статистически значимые различия, была большая доля лиц со значительно выраженными проявлениями враждебности в группе с ППИ (62,5%) в сравнении с группой АПИ (13,0%). По остальным грациям выраженности враждебности значимых различий не установлено.

Подростки-тувинцы чаще характеризовались наличием лиц со значительно выраженной симптоматикой враждебности (42,3%), чем подростки с НПИ (23,9%) и АПИ (8,7%). Частота встречаемости значительно выраженного уровня враждебности у подростков с НПИ превышала значения данного показателя подростков с АПИ (23,9% и 8,7%).

Противоположная тенденция имела место при сравнительном анализе частоты встречаемости низкого уровня враждебности у подростков-тувинцев: существенно выше была встречаемость минимально выраженных проявлений враждебности в группе с АПИ (78,2%) в сравнении с подростками группы НПИ (58,4%) и ППИ (40,4%). У тувинцев также чаще регистрировался низкий уровень враждебности у подростков с АПИ в сравнении с группой НПИ. Статистически значимых различий частоты встречаемости и выраженности враждебности в группах подростков различной этнической принадлежности установлено не было (табл. 3).

Шкала фобической тревожности (Phobic Anxiety) опросника отражает страх перед специфическими ситуациями (агорафобия, социальные фобии, страх одиночества). Фобическая тревожность

(страхи) рассматривается в контексте наличия расстройств психопатологического спектра у представителей подросткового возраста. Таблица 4 включает данные сравнительного анализа выраженности фобической тревожности у подростков, различающихся этнической принадлежностью и онлайн-поведением.

Таблица 4. Уровень фобической тревожности у подростков русской и тувинской этнической принадлежности с различным онлайн-поведением

Table 4. Level of phobic anxiety in adolescents of Russian and Tuvan ethnicity with different online behavior

Группы обследованных	Уровень фобической тревожности						P
	(а) Низкий		(в) Умеренно выражен		(с) Значительно выражен		
	абс.	% (ДИ)	абс.	% (ДИ)	абс.	% (ДИ)	
1 гр. Русские с АПИ (п=20)	8	40,0 (21,9–61,3)	6	30,0 (14,5–51,9)	6	30,0 (14,5–51,9)	ав=0,5073 ас=0,5073 вс=1,0000
2 гр. Русские с НПИ (п=23)	10	43,5 (25,6–63,2)	5	21,7 (9,7–41,9)	8	34,8 (18,8–55,1)	ав=0,1158 ас=0,5457 вс=0,3259
3 гр. Русские с ППИ (п=8)	1	12,5 (2,2–47,1)	2	25,0 (7,1–59,1)	5	62,5 (30,6–86,3)	ав=0,5218 ас=0,0389 вс=0,1306
4 гр. Тувинцы с АПИ (п=242)	111	45,9 (39,7–52,2)	81	33,5 (27,8–39,6)	50	20,7 (16,0–26,2)	ав=0,0053 ас<0,0001 вс=0,0015
5 гр. Тувинцы с НПИ (п=356)	106	29,8 (25,3–34,7)	102	28,6 (24,2–33,6)	148	41,6 (36,6–46,8)	ав=0,7417 ас=0,0010 вс=0,0003
6 гр. Тувинцы с ППИ (п=93)	15	16,1 (10,0–24,9)	26	28,0 (19,9–37,8)	52	55,9 (45,8–65,6)	ав=0,0517 ас<0,0001 вс=0,0001
Всего (п=742)	251	33,8 (30,5–37,3)	222	29,9 (26,7–33,3)	269	36,2 (32,9–39,8)	ав=0,1062 ас=0,3274 вс=0,0095
p1–2 (χ2)	p1–2=0,8176 (χ2=0,05)		p1–2=0,5358 (χ2=0,38)		p1–2=0,7385 (χ2=0,11)		
p1–3 (χ2)	p1–3=0,1593 (χ2=1,98)		p1–3=0,7913 (χ2=0,07)		p1–3=0,1117 (χ2=2,53)		
p2–3 (χ2)	p2–3=0,1147 (χ2=2,49)		p2–3=0,8493 (χ2=0,04)		p2–3=0,1712 (χ2=1,87)		
p4–5 (χ2)	p4–5=0,0001 (χ2=16,14)		p4–5=0,2094 (χ2=1,58)		p4–5<0,0001 (χ2=28,45)		
p4–6 (χ2)	p4–6<0,0001 (χ2=25,32)		p4–6=0,3324 (χ2=0,94)		p4–6<0,0001 (χ2=39,43)		
p5–6 (χ2)	p5–6=0,0083 (χ2=6,98)		p5–6=0,8949 (χ2=0,02)		p5–6=0,0132 (χ2=6,14)		
p1–4 (χ2)	p1–4=0,6125 (χ2=0,26)		p1–4=0,7514 (χ2=0,10)		p1–4=0,3275 (χ2=0,96)		

p2-5 (χ^2)	p2-5=0,1670 (χ^2 =1,91)	p2-5=0,4754 (χ^2 =0,51)	p2-5=0,5213 (χ^2 =0,41)	
p3-6 (χ^2)	p3-6=0,7874 (χ^2 =0,07)	p3-6=0,8577 (χ^2 =0,03)	p3-6=0,7185 (χ^2 =0,13)	

Прим.: Жирным шрифтом выделены статистически значимые различия сравниваемых показателей, иллюстрируемые значениями «р».

В общей выборке 742 обследованных в Туве подростков с корректно данными ответами на вопросы шкалы «Phobic Anxiety» соотношение числа подростков с низким, умеренно и значительно выраженным уровнем фобий распределилось практически в равных долях — по 1/3 для каждой из оцениваемых градаций данной характеристики (соответственно 33,8%, 29,9% и 36,2%) (табл. 4).

У тувинских подростков с патологическим использованием Интернетом (ППИ) отмечена более высокая распространенность значительно выраженной фобической симптоматики (55,9%) в сравнении с группами неадаптивного (41,6%) и адаптивного пользования Интернетом (20,7%). В группе с неадаптивным использованием тувинские подростки показали более высокие показатели значительно выраженных фобий по сравнению с группой адаптивного пользования интернетом.

Среди русских подростков сравнение частоты встречаемости и выраженности всех градаций фобической тревожности в группах, различающихся онлайн-поведением, статистически значимых различий не выявило. Значимых этнических различий встречаемости и выраженности фобий (страхов) в сравниваемых группах (тувинцы/русские) также выявлено не было (табл. 4).

Шкала паранойяльных тенденций «Paranoid tendencies» в поведении (параноидные идеи — Paranoid Ideation) оценивает проективное мышление и подозрительность (недооценка, чувство преследования, недоверие). Наличие и выраженность проявлений паранойяльности в группах подростков русского и тувинского этноса с различным онлайн-поведением отражены в таблице 5.

Таблица 5. Уровень паранойяльных тенденций у подростков русской и тувинской этнической принадлежности с различным онлайн-поведением

Table 5. Level of paranoid tendencies in adolescents of Russian and Tuvan ethnicity with different online behavior

Группы обследованных	Уровень паранойяльных тенденций						Р
	(а) Низкий		(в) Умеренно выражен		(с) Значительно выражен		
	абс.	% (ДИ)	абс.	% (ДИ)	абс.	% (ДИ)	
1 гр. Русские с АПИ (п=29)	19	65,5 (47,3–80,1)	8	27,6 (14,7–45,7)	2	6,9 (1,9–22,0)	ав=0,0038 ас<0,0001 вс=0,0370
2 гр. Русские с НПИ (п=26)	13	50,0 (32,1–67,9)	6	23,1 (11,0–42,1)	7	26,9 (13,7–46,1)	ав=0,0038 ас=0,0872 вс=0,7488
3 гр. Русские с ППИ (п=8)	3	37,5 (13,7–69,4)	1	12,5 (2,2–47,1)	4	50,0 (21,5–78,5)	ав=0,2482 ас=0,6143 вс=0,1057
4 гр. Тувинцы с АПИ (п=299)	219	73,2 (68,0–77,9)	49	16,4 (12,6–21,0)	31	10,4 (7,4–14,3)	ав<0,0001 ас<0,0001 вс=0,0306
5 гр. Тувинцы с НПИ (п=383)	172	44,9 (40,0–49,9)	108	28,2 (23,9–32,9)	103	26,9 (22,7–31,5)	ав<0,0001 ас<0,0001 вс=0,6859

6 гр. Тувинцы с ППИ (п=98)	24	24,5 (17,0–33,9)	28	28,6 (20,6–38,2)	46	46,9 (37,4–56,7)	ав=0,5175 ас=0,0010 вс=0,0080
Всего (п=843)	450	53,4 (50,0–56,7)	200	23,7 (21,0–26,7)	193	22,9 (20,2–25,8)	ав<0,0001 ас<0,0001 вс=0,6868
p1–2 (χ^2)	p1–2=0,2441 (χ^2 =1,36)		p1–2=0,7015 (χ^2 =0,15)		p1–2=0,0450 (χ^2 =4,02)		
p1–3 (χ^2)	p1–3=0,1530 (χ^2 =2,04)		p1–3=0,3786 (χ^2 =0,78)		p1–3=0,0034 (χ^2 =8,57)		
p2–3 (χ^2)	p2–3=0,5356 (χ^2 =0,38)		p2–3=0,5176 (χ^2 =0,42)		p2–3=0,2224 (χ^2 =1,49)		
p4–5 (χ^2)	p4–5<0,0001 (χ^2 =55,11)		p4–5=0,0003 (χ^2 =13,22)		p4–5<0,0001 (χ^2 =29,04)		
p4–6 (χ^2)	p4–6<0,0001 (χ^2 =73,89)		p4–6=0,0081 (χ^2 =7,01)		p4–6<0,0001 (χ^2 =63,14)		
p5–6 (χ^2)	p5–6=0,0002 (χ^2 =13,48)		p5–6=0,9417 (χ^2 =0,01)		p5–6=0,0001 (χ^2 =14,67)		
p1–4 (χ^2)	p1–4=0,3733 (χ^2 =0,79)		p1–4=0,1286 (χ^2 =2,31)		p1–4=0,5530 (χ^2 =0,35)		
p2–5 (χ^2)	p2–5=0,6137 (χ^2 =0,25)		p2–5=0,5730 (χ^2 =0,32)		p2–5=0,9973 (χ^2 =0,00)		
p3–6 (χ^2)	p3–6=0,4168 (χ^2 =0,66)		p3–6=0,3269 (χ^2 =0,96)		p3–6=0,8675 (χ^2 =0,03)		

Прим.: Жирным шрифтом выделены статистически значимые различия сравниваемых показателей, иллюстрируемые значениями «р».

Из 843 включенных в анализ подростков, обследованных в Туве, корректно заполнивших шкалу, оценивающую уровень паранойяльности (паранойяльных тенденций в поведении), 53,4% обследованных имели низкий (в пределах допустимого) уровень паранойяльных тенденций в поведении и по 1/4 — умеренно и значительно выраженную симптоматику анализируемого показателя (соответственно 23,7% и 22,9%) (табл. 5).

Подростки-тувинцы с ППИ в большем проценте случаев имели значительно выраженный уровень паранойяльных тенденций в поведении (46,9%), чем лица с НПИ (26,9%) и АПИ (10,4%). В группе с НПИ доля лиц со значительно выраженным уровнем паранойяльности была больше аналогичного показателя группы с АПИ. Соотношение численности подростков с низкой выраженностью паранойяльных тенденций в группах сравнения (с АПИ, НПИ и ППИ) имело противоположную направленность, документируемую большей численностью подростков с низким уровнем данного показателя в группе с АПИ и значительно меньшей их численностью в группах с НПИ и ППИ. Среди тувинцев умеренно выраженным уровнем параноидных идеаций чаще характеризовались подростки с ППИ и НПИ в сравнении с группой АПИ (табл. 5).

Для 50,0% русских подростков с ППИ был характерна значительная выраженность паранойяльности, что оказалось существенно выше аналогичной характеристики группы с АПИ (6,9%), а показатель подростков с НПИ (26,9%) значительно превышал его величину у подростков с АПИ (6,9%). Частота встречаемости и уровень паранойяльных тенденций в поведении были сопоставимы среди русских подростков и подростков-тувинцев в аналогичных по виду онлайн-поведения группах, значимых этнических различий установлено не было (табл. 5).

Шкала психотизма (Psychoticism) опросника выявляет изоляцию и шизоидные тенденции (социальную отчужденность, странные убеждения, перцептивные нарушения). Таблица 6 представляет особенности уровня психотизма подростков, различающихся этнической принадлежностью и видом онлайн-поведения.

Таблица 6. Уровень психотизма у подростков русской и тувинской этнической принадлежности с различным онлайн-поведением
Table 6. Psychoticism levels in adolescents of Russian and Tuvan ethnicity with different online behaviors

Группы обследованных	Уровень психотизма (Psychoticism)						P
	(а) Низкий		(в) Умеренно выражен		(с) Значительно выражен		
	абс.	% (ДИ)	абс.	% (ДИ)	абс.	% (ДИ)	
1 гр. Русские с АПИ (п=25)	19	76,0 (56,6–88,5)	4	16,0 (6,4–34,7)	2	8,0 (2,2–25,0)	ав<0,0001 ас<0,0001 вс=0,3841
2 гр. Русские с НПИ (п=23)	14	60,9 (40,8–77,8)	4	17,4 (7,0–37,1)	5	21,7 (9,7–41,9)	ав=0,0025 ас=0,0070 вс=0,7101
3 гр. Русские с ППИ (п=8)	2	25,0 (7,1–59,1)	2	25,0 (7,1–59,1)	4	50,0 (21,5–78,5)	ав=1,0000 ас=0,3017 вс=0,3017
4 гр. Тувинцы с АПИ (п=259)	186	71,8 (66,0–76,9)	51	19,7 (15,3–25,0)	22	8,5 (5,7–12,5)	ав<0,0001 ас<0,0001 вс=0,0003
5 гр. Тувинцы с НПИ (п=371)	174	46,9 (41,9–52,0)	105	28,3 (24,0–33,1)	92	24,8 (20,7–29,4)	ав<0,0001 ас<0,0001 вс=0,2798
6 гр. Тувинцы с ППИ (п=95)	29	30,5 (22,2–40,4)	24	25,3 (17,6–34,8)	42	44,2 (34,6–54,2)	ав=0,4186 ас=0,0512 вс=0,0061
Всего (п=781)	424	54,3 (50,8–57,8)	190	24,3 (21,4–27,5)	167	21,4 (18,7–24,4)	ав<0,0001 ас<0,0001 вс=0,1658
p1–2 (χ^2)	p1–2=0,2586 χ^2 =1,28		p1–2=0,8972 χ^2 =0,02		p1–2=0,1779 χ^2 =1,82		
p1–3 (χ^2)	p1–3=0,0091 χ^2 =6,81		p1–3=0,5657 χ^2 =0,33		p1–3=0,0073 χ^2 =7,19		
p2–3 (χ^2)	p2–3= 0,0804 χ^2 =3,06		p2–3=0,6389 χ^2 =0,22		p2–3=0,1293 χ^2 =2,30		
p4–5 (χ^2)	p4–5<0,0001 χ^2 =38,66		p4–5=0,0138 χ^2 =6,07		p4–5<0,0001 χ^2 =27,35		
p4–6 (χ^2)	p4–6<0,0001 χ^2 =49,69		p4–6=0,2556 χ^2 =1,29		p4–6<0,0001 χ^2 =59,87		
p5–6 (χ^2)	p5–6=0,0041 χ^2 =8,25		p5–6=0,5548 χ^2 =0,35		p5–6=0,0002 χ^2 =13,91		
p1–4 (χ^2)	p1–4=0,6556 χ^2 =0,20		p1–4=0,6556 χ^2 =0,20		p1–4=0,9324 χ^2 =0,01		
p2–5 (χ^2)	p2–5=0,1931 χ^2 =1,69		p2–5=0,2564 χ^2 =1,29		p2–5=0,7411 χ^2 =0,11		
p3–6 (χ^2)	p3–6=0,7435 χ^2 =0,11		p3–6=0,9869 χ^2 =0,00		p3–6=0,7517 χ^2 =0,10		

Прим.: Жирным шрифтом выделены статистически значимые различия сравниваемых показателей, иллюстрируемые значениями «p».

Корректно дал ответы на вопросы шкалы психотизма 781 подросток из всех включенных в общую выборку обследованных в Туве, из их числа 54,3% опрошенных отличались низким уровнем данной характеристики психопатологических расстройств, для 1/5 подростков было характерно наличие умеренно (24,3%) и значительно (21,4%) выраженного уровня психотизма (табл. 6).

Значительно выраженную симптоматику психотических проявлений чаще имели тувинцы с ППИ (44,2%), чем их сверстники из группы с НПИ (24,8%) и АПИ (8,5%). Подростки с НПИ отличались большей величиной данного показателя в сравнении с обследованными группы АПИ. Противоположная тенденция отмечалась в сравниваемых группах для показателя низкого уровня психотизма — среди тувинцев с АПИ лиц с низкой (в пределах допустимого уровня) выраженностью психотизма было значительно больше (71,8%), чем было таких лиц в группе с НПИ (46,9%) и ППИ (30,5%). Тувинцы с ППИ имели меньшую численность лиц с низким уровнем психотизма, чем подростки с НПИ.

Для русских подростков с ППИ чаще была характерна значительная выраженность проявлений психотической симптоматики (50,0%), чем для подростков с АПИ (8,0%), у которых, напротив, значительно чаще регистрировался низкий (допустимый) уровень психотизма (76,0%). Статистически значимых этнических различий частоты встречаемости и всех градаций психотизма в аналогичных по онлайн-поведению группах подростков тувинского и русского этносов установлено не было (табл. 6).

Для комплексной оценки расстройств психопатологического спектра (РППС) используются несколько интегральных показателей, включая общий индекс тяжести симптомов (GSI). GSI является глобальным показателем психопатологической нагрузки и наиболее чувствительным индикатором текущего состояния и выраженности расстройства. Этот индекс интегрирует информацию о количестве симптомов и интенсивности переживаемого дистресса. В таблице 7 представлены результаты анализа выраженности общего индекса тяжести симптомов у подростков групп сравнения с различными типами онлайн-поведения.

Таблица 7. Уровень общего индекса тяжести симптомов у подростков русской и тувинской этнической принадлежности с различным онлайн-поведением

Table 7. Overall symptom severity index (ossi) levels in adolescents of Russian and Tuvan ethnicity with different online behaviors

Группы обследованных	Уровень общего индекса тяжести симптомов (GSI)						P
	(a) Низкий		(в) Умеренно выражен		(с) Значительно выражен		
	абс.	% (ДИ)	абс.	% (ДИ)	абс.	% (ДИ)	
1 гр. Русские с АПИ (п=38)	28	73,7 (58,0–85,0)	6	15,8 (7,4–30,4)	4	10,5 (4,2–24,1)	ав<0,0001 ас<0,0001 вс=0,4973
2 гр. Русские с НПИ (п=26)	15	57,7 (38,9–74,5)	4	15,4 (6,2–33,5)	7	26,9 (13,7–46,1)	ав=1,0000 ас=0,3017 вс=0,3017
3 гр. Русские с ППИ (п=8)	3	37,5 (13,7–69,4)	0	0,0 (0,0–32,4)	5	62,5 (30,6–86,3)	ав=0,0547 ас=0,3173 вс=0,0070
4 гр. Тувинцы с АПИ (п=399)	345	86,5 (82,8–89,5)	43	10,8 (8,1–14,2)	11	2,8 (1,5–4,9)	ав<0,0001 ас<0,0001 вс<0,0001
5 гр. Тувинцы с НПИ (п=432)	244	56,5 (51,8–61,1)	109	25,2 (21,4–29,5)	79	18,3 (14,9–22,2)	ав<0,0001 ас<0,0001 вс=0,0134

6 гр. Тувинцы с ППИ (n=106)	37	34,9 (26,5–44,4)	25	23,6 (16,5–32,5)	44	41,5 (32,6–51,0)	ав=0,0700 ас=0,3225 вс=0,0054
Всего (n=1009)	672	66,6 (63,6–69,4)	187	18,5 (16,3–21,0)	150	14,9 (12,8–17,2)	ав<0,0001 ас<0,0001 вс=0,0272
p1–2 (χ^2)	p1–2=0,1808 $\chi^2=1,79$		p1–2=0,9651 $\chi^2=0,00$		p1–2=0,0877 $\chi^2=2,92$		
p1–3 (χ^2)	p1–3=0,0472 $\chi^2=3,94$		p1–3=0,2281 $\chi^2=1,45$		p1–3=0,0008 $\chi^2=11,34$		
p2–3 (χ^2)	p2–3=0,3170 $\chi^2=1,00$		p2–3=0,2376 $\chi^2=1,39$		p2–3=0,0656 $\chi^2=3,39$		
p4–5 (χ^2)	p4–5<0,0001 $\chi^2=90,35$		p4–5<0,0001 $\chi^2=29,00$		p4–5<0,0001 $\chi^2=51,80$		
p4–6 (χ^2)	p4–6<0,0001 $\chi^2=120,85$		p4–6=0,0006 $\chi^2=11,79$		p4–6<0,0001 $\chi^2=129,60$		
p5–6 (χ^2)	p5–6=0,0001 $\chi^2=15,88$		p5–6=0,7254 $\chi^2=0,12$		p5–6<0,0001 $\chi^2=26,03$		
p1–4 (χ^2)	p1–4=0,0332 $\chi^2=4,53$		p1–4=0,3494 $\chi^2=0,88$		p1–4= 0,0120 $\chi^2=6,32$		
p2–5 (χ^2)	p2–5=0,9037 $\chi^2=0,01$		p2–5=0,2580 $\chi^2=1,28$		p2–5=0,2735 $\chi^2=1,20$		
p3–6 (χ^2)	p3–6=0,8821 $\chi^2=0,02$		p3–6=0,1201 $\chi^2=2,42$		p3–6=0,2475 $\chi^2=1,34$		

Прим.: Жирным шрифтом выделены статистически значимые различия сравниваемых показателей, иллюстрируемые значениями «р».

Среди 1009 подростков общей выборки обследованных в Туве и предоставивших полные ответы на шкалу общего индекса тяжести симптомов (GSI), большинство (66,6%) продемонстрировали низкую выраженность этого показателя. Умеренно выраженный уровень GSI отмечен у 18,5% участников, а значительную выраженность выявили у 14,9% подростков (табл. 7).

У подростков-тувинцев с патологическим использованием Интернетом (ППИ) выявлена более высокая распространенность значительно выраженного уровня общего индекса тяжести симптомов (41,5%) по сравнению с группами неадаптивного (18,3%) и адаптивного пользования Интернетом (2,8%). Доля лиц со значительной выраженностью симптомов была выше в группе с неадаптивным использованием интернетом (18,3%) в сравнении с группой адаптивного пользования (2,8%). Аналогичная, но противоположно направленная, тенденция анализируемых показателей отмечалась и относительно такой категории показателя GSI, как низкая степень его выраженности. Умеренно выраженным уровнем общего индекса тяжести симптомов значительно чаще характеризовались подростки-тувинцы с ППИ (23,6%) и НПИ (25,2%) в сравнении с представителями группы АПИ (10,8%) (табл. 7).

Подростки русского этноса с патологическим использованием интернетом (ППИ) имели более высокую долю лиц со значительной выраженностью общего индекса тяжести симптомов (62,5%) в сравнении с группой адаптивного пользования Интернетом (АПИ). В противоположность, низкая выраженность этого показателя (в пределах допустимого уровня) чаще отмечена у лиц с адаптивным использованием Интернетом (73,7%).

Этнические различия по показателю общего индекса тяжести симптомов (GSI) выявили более высокую численность русских подростков со значительной выраженностью этого показателя в сравнении с тувинскими сверстниками в группе с адаптивным использованием Интернетом (АПИ). И, напротив, среди подростков с АПИ частота встречаемости низкого уровня GSI была выше у подростков тувинской (86,5%), чем русской (73,7%) этнической принадлежности (табл. 7).

Индекс симптоматического дистресса (PSDI) характеризует интенсивность переживаемых симптомов и служит индикатором модели реагирования при заполнении опросника: тенденция к усилению или минимизации выраженности симптоматического дистресса при ответах. В *таблице 8* представлены результаты анализа индекса симптоматического дистресса у подростков групп сравнения с различными типами онлайн-поведения.

Таблица 8. Уровень интенсивности дистресса у подростков русской и тувинской этнической принадлежности с различным онлайн-поведением

Table 8. The level of distress intensity in adolescents of Russian and Tuvan ethnicity with different online behavior

Группы обследованных	Уровень интенсивности дистресса (PSDI)						P
	(a) Низкий		(в) Умеренно выражен		(с) Значительно выражен		
	абс.	% (ДИ)	абс.	% (ДИ)	абс.	% (ДИ)	
1 гр. Русские с АПИ (п=48)	22	45,8 (32,6–59,7)	17	35,4 (23,4–49,6)	9	18,7 (10,2–31,9)	ав=0,2988 ac=0,0045 bc=0,0662
2 гр. Русские с НПИ (п=27)	5	18,5 (8,2–36,7)	12	44,4 (27,6–62,7)	10	37,0 (21,5–55,8)	ав=0,0403 ac=0,1287 bc=0,5796
3 гр. Русские с ППИ (п=8)	2	25,0 (7,1–59,1)	1	12,5 (2,2–47,1)	5	62,5 (30,6–86,3)	ав=0,5218 ac=0,1306 bc=0,0389
4 гр. Тувинцы с АПИ (п=524)	316	60,3 (56,1–64,4)	148	28,2 (24,6–32,2)	60	11,4 (9,0–14,5)	ав<0,0001 ac<0,0001 bc<0,0001
5 гр. Тувинцы с НПИ (п=459)	178	38,8 (34,4–43,3)	172	37,5 (33,2–42,0)	109	23,7 (20,1–27,8)	ав=0,6835 ac<0,0001 bc<0,0001
6 гр. Тувинцы с ППИ (п=111)	23	20,7 (14,2–29,2)	32	28,8 (21,2–37,9)	56	50,4 (41,3–59,6)	ав=0,1618 ac<0,0001 bc=0,0010
Всего (п=1177)	546	46,4 (43,6–49,2)	382	32,5 (29,8–35,2)	249	21,2 (18,9–23,6)	ав<0,0001 ac<0,0001 bc<0,0001
p1–2 (χ2)	p1–2=0,0180 χ2=5,60		p1–2=0,4409 χ2=0,59		p1–2=0,0805 χ2=3,06		
p1–3 (χ2)	p1–3=0,2703 χ2=1,22		p1–3=0,1988 χ2=1,65		p1–3=0,0082 χ2=7,00		
p2–3 (χ2)	p2–3=0,6873 χ2=0,16		p2–3=0,1005 χ2=2,70		p2–3=0,2012 χ2=1,63		
p4–5 (χ2)	p4–5<0,0001 χ2=45,35		p4–5=0,0021 χ2=9,49		p4–5<0,0001 χ2=25,99		
p4–6 (χ2)	p4–6<0,0001 χ2=57,68		p4–6=0,9012 χ2=0,02		p4–6<0,0001 χ2=93,31		
p5–6 (χ2)	p5–6=0,0004 χ2=12,77		p5–6=0,0883 χ2=2,91		p5–6<0,0001 χ2=30,99		

p1-4 (χ^2)	p1-4=0,0510 $\chi^2=3,81$	p1-4=0,2938 $\chi^2=1,10$	p1-4=0,1372 $\chi^2=2,21$	
p2-5 (χ^2)	p2-5=0,0347 $\chi^2=4,46$	p2-5=0,4680 $\chi^2=0,53$	p2-5=0,1186 $\chi^2=2,44$	
p3-6 (χ^2)	p3-6=0,7741 $\chi^2=0,08$	p3-6=0,3191 $\chi^2=0,99$	p3-6=0,5102 $\chi^2=0,43$	

Прим.: Жирным шрифтом выделены статистически значимые различия сравниваемых показателей, иллюстрируемые значениями «р».

Среди подростков общей обследованной в Туве выборки, предоставивших полные ответы на индекс симптоматического дистресса (PSDI), 46,4% продемонстрировали низкий уровень дистресса, 32,5% — умеренно выраженный уровень и 21,2% — значительно выраженный уровень (табл. 8).

Среди тувинских подростков распространенность значительной выраженности дистресса была выше в группах с патологическим (50,4%) и неадаптивным использованием Интернетом (23,7%) в сравнении с адаптивным (11,4%). Кроме того, показатель значительной выраженности дистресса в группе с неадаптивным использованием был выше, чем в группе с адаптивным использованием. Противоположная тенденция отмечалась в сравниваемых группах для показателя низкого уровня интенсивности дистресса — среди тувинцев с АПИ лиц с низкой (в пределах допустимого уровня) выраженностью дистресса было значительно больше (60,3%), чем было таких лиц в группе с НПИ (38,8%) и ППИ (20,7%). Тувинцы с ППИ имели меньшую численность лиц с низким уровнем дистресса, чем подростки-тувинцы с НПИ (табл. 8).

Подростки русской этнической принадлежности характеризовались большей численностью лиц со значительной интенсивностью дистресса (62,5%) в сравнении с группой подростков с АПИ (18,7%). Кроме того, русские подростки с НПИ отличались меньшей встречаемостью низкого уровня дистресса (18,5%), чем их сверстники русской этнической принадлежности с АПИ (45,8%) (табл. 8).

Этнические различия индекса симптоматического дистресса выявили более низкую распространенность низкого уровня дистресса у русских подростков с адаптивным использованием Интернетом (45,8%) в сравнении с тувинскими подростками с адаптивным использованием Интернетом (60,3%). Также значительно меньшей была встречаемость низкого уровня дистресса у русских подростков с НПИ (18,5%), чем у их сверстников-тувинцев с НПИ (38,8%).

Общее число утвердительных ответов (PST) отражает широту диапазона симптоматики, то есть количество утверждений опросника, по которым участник отметил уровень выраженности выше нулевого. PST является одним из интегральных показателей психопатологических расстройств, верифицируемых с помощью опросника SCL-90-R.

Анализ распределения подростков по уровню выраженности PST выявил, что как русские, так и тувинские подростки с патологическим использованием Интернетом (ППИ) чаще демонстрировали значительную широту диапазона симптоматики (соответственно 62,5% и 42,3%), несколько меньшими величинами данного показателя характеризовались подростки (русские и тувинцы) с НПИ (соответственно 18,5% и 27,4%) и значительно реже регистрировался значительно выраженный уровень данного показателя у подростков с АПИ (12,5% — у русских, 6,9% — у тувинцев). Этнических различий анализируемого показателя в группах сравнения выявлено не было.

Результаты проделанной работы позволяют сделать следующие **выводы**:

1. Скрининговое исследование 1028 подростков Республики Тыва с использованием шкалы интернет-зависимости С.-Н. Чена (CIAS) и опросника SCL-90-R выявило высокую распространенность как адаптивного пользования Интернетом (АПИ), так и неадаптивного пользования Интернетом (НПИ) — по 44,6% в каждой группе. Доля подростков с патологическим использованием Интернетом / интернет-зависимостью (ППИ/ИЗ) составила около 10–11% и была одинакова у тувинских и русских подростков;

2. По всем анализируемым шкалам опросника SCL-90-R — обсессивно-компульсивным симптомам, межличностной сензитивности, враждебности, фобической тревожности, паранойяльным тен-

денциям и психотизму — а также по интегральным индексам (общий индекс тяжести симптомов, индекс симптоматического дистресса и общее число утвердительных ответов) выявлена односторонняя зависимость: от АПИ к НПИ и далее к ППИ наблюдается систематический рост доли подростков с умеренно и значительно выраженными психопатологическими проявлениями и, соответственно, снижение доли лиц с низким (допустимым) уровнем психопатологической симптоматики;

3. Подростки с патологическим использованием Интернетом (ППИ/ИЗ) во всех этнических группах характеризуются наибольшей психопатологической нагрузкой: у них существенно чаще фиксируются значительно выраженные обсессивно-компульсивные симптомы, межличностная сензитивность, враждебность, фобическая тревожность, паранойяльность и психотизм, а также высокие значения общего индекса тяжести симптомов (GSI), индекса наличного дистресса (PSDI) и показателя широты диапазона симптоматики (PST);

4. Группа подростков с неадаптивным использованием Интернетом (НПИ) занимает промежуточное положение между АПИ и ППИ по уровню выраженности психопатологической симптоматики: при НПИ доля умеренно и значительно выраженных расстройств по большинству шкал опросника SCL 90 R достоверно выше, чем при АПИ, но ниже, чем при ППИ, что позволяет рассматривать НПИ как потенциально значимый фактор, способствующий формированию у подростков более выраженных расстройств психопатологического спектра;

5. У подростков с адаптивным использованием Интернетом (АПИ), независимо от этнической принадлежности, преобладает низкая выраженность (в пределах нормального диапазона) обсессивно-компульсивных симптомов, межличностной сензитивности, враждебности, фобической тревожности, паранойяльных тенденций и психотизма, а также низкие значения GSI, PSDI и более узкий диапазон симптоматики (PST), что свидетельствует о сравнительно благополучном психическом статусе данной группы;

6. Подростков тувинской этнической принадлежности отличают следующие особенности:

- при ППИ отмечается максимальная доля лиц со значительно выраженными обсессивно-компульсивными симптомами, межличностной сензитивностью, враждебностью, фобической тревожностью, паранойяльностью, психотизмом и высокими уровнями GSI, PSDI и PST;

- при НПИ частота умеренно и значительно выраженных психопатологических проявлений достоверно выше, чем при АПИ;

- при АПИ большинство подростков имеют низкий уровень указанных симптомов и интегральных показателей, что подчёркивает защитный характер адаптивного онлайн поведения;

7. Среди русских подростков обнаружена та же направленность связей вида онлайн поведения с психопатологическими показателями, однако при ППИ у них чаще фиксируются высокие (значительно выраженные) уровни обсессивно-компульсивных симптомов, межличностной сензитивности, психотизма, паранойяльности, общего индекса тяжести симптомов (GSI), интенсивности дистресса (PSDI) и широты диапазона симптоматики (PST) по сравнению с русскими сверстниками с АПИ и НПИ;

8. Этнические различия касаются преимущественно подростков с адаптивным и неадаптивным использованием Интернетом: у подростков тувинского этноса с АПИ чаще регистрируются низкие уровни обсессивно-компульсивной симптоматики, враждебности, дистресса (PSDI) и общего индекса тяжести симптомов (GSI), чем у русских сверстников с АПИ, тогда как среди подростков с НПИ и ППИ частота и выраженность психопатологической симптоматики в целом сопоставимы между подростками тувинской и русской этнической принадлежности;

9. Полученные данные подтверждают, что характер онлайн поведения (адаптивное, неадаптивное, патологическое) является значимым маркером уровня психопатологической нагрузки у подростков и отражает степень неблагополучия в эмоциональной и поведенческой сфере, тогда как этническая принадлежность модифицирует преимущественно «фоновые» уровни отдельных симптомов в группах с адаптивным интернет-поведением, но не меняет самой закономерности связи между типом интернет-пользования и выраженностью психопатологической симптоматики;

10. Результаты исследования обосновывают необходимость проведения скрининга онлайн-поведения подростков с использованием шкалы интернет-зависимости С.-Н. Чена (CIAS) в сочетании с оценкой психопатологической симптоматики по опроснику SCL-90-R с целью раннего выявления

групп риска (НПИ и особенно ППИ/ИЗ) и своевременного проведения профилактических и коррекционных мероприятий, направленных на предупреждение формирования и хронизации расстройств психопатологического спектра в подростковом возрасте.

Указанная ниже таблица 9 дает наглядное представление о важнейших закономерностях психопатологических расстройств у подростков Тувы с различным онлайн-поведением.

Таблица 9. Сводная таблица психопатологических расстройств у подростков Тувы с различным онлайн-поведением

Table 9. Summary table of psychopathological disorders in Tuva adolescents with different online behaviors

Показатели по шкалам опросника SCL-90-R	Онлайн-поведение			Этнические различия	Практическое значение
	АПИ	НПИ	ППИ		
1. Обсессивность-компульсивность	Преобладает низкий уровень	Умеренный уровень чаще, чем при АПИ	Значительно выраженные симптомы — максимальная доля	При АПИ у тувинцев ниже, чем у русских; при НПИ и ППИ различия сглаживаются	Скрининг и ранняя профилактика для НПИ и ППИ
2. Межличностная сензитивность	Низкий уровень	Умеренный уровень	Значительно выраженные симптомы — максимальная доля	При АПИ у тувинцев ниже, чем у русских; при НПИ и ППИ различия минимальны	Внимание к межличностной сфере при НПИ и ППИ
3. Враждебность	Низкий уровень	Умеренный уровень	Значительно выраженные симптомы — максимальная доля	При АПИ у тувинцев ниже, чем у русских; при НПИ и ППИ различия минимальны	Коррекция агрессивности в группах риска
4. Фобическая тревожность	Низкий уровень	Умеренный уровень	Значительно выраженные симптомы — максимальная доля	При АПИ у тувинцев ниже, чем у русских; при НПИ и ППИ различия минимальны	Психопрофилактика тревожных расстройств
5. Паранойяльность	Низкий уровень	Умеренный уровень	Значительно выраженные симптомы — максимальная доля	При АПИ у тувинцев ниже, чем у русских; при НПИ и ППИ различия минимальны	Мониторинг паранойяльных тенденций
6. Психотизм	Низкий уровень	Умеренный уровень	Значительно выраженные симптомы — максимальная доля	При АПИ у тувинцев ниже, чем у русских; при НПИ и ППИ различия минимальны	Раннее выявление психотических проявлений
7. Общий индекс тяжести симптомов (GSI)	Низкий уровень	Умеренный уровень	Значительно выраженные симптомы — максимальная доля	При АПИ у тувинцев ниже, чем у русских; при НПИ и ППИ различия минимальны	Комплексная оценка психопатологии

8. Интенсивность дистресса (PSDI)	Низкий уровень	Умеренный уровень	Значительно выраженные симптомы — максимальная доля	При АПИ у тувинцев ниже, чем у русских; при НПИ и ППИ различия минимальны	Оценка выраженности дистресса
-----------------------------------	----------------	-------------------	---	---	-------------------------------

Таким образом, как следует из *таблицы 9*, АПИ характеризуется преимущественно низким уровнем психопатологической симптоматики по всем шкалам опросника SCL-90-R. НПИ занимает промежуточное положение: умеренно выраженные симптомы встречаются чаще, чем при АПИ, но реже, чем при ППИ. ППИ связано с максимальной выраженностью психопатологических проявлений по всем показателям. Этнические различия проявляются в основном при АПИ: у тувинцев ниже уровни отдельных симптомов и интегральных индексов, чем у русских. При НПИ и ППИ различия между этническими группами минимальны. Практическая значимость включает необходимость проведения скрининга интернет-поведения подростков с использованием CIAS и SCL-90-R для раннего выявления групп риска (особенно НПИ и ППИ) и проведения профилактических мероприятий.

Обсуждение

В последние годы использование Интернета населением Республики Тыва вошло в поле внимания ученых (Ламажаа, 2021; Кекиева и др., 2022). Исследования ряда авторов были направлены на анализ различных факторов и патологических состояний, ассоциированных с психопатологическими расстройствами. Однако в этих работах, как правило, не рассматривалась роль онлайн-поведения подростков в развитии нарушений психоэмоционального статуса (Захарова и др., 2020; Tereshchenko, 2023; Нестерова, Левин, 2020). В одной из наших публикаций с соавторами (Эверт, Серен-оол, Сат, 2023) представлены результаты анализа распространенности типов пользования Интернетом — адаптивного (АПИ), неадаптивного (НПИ) и патологического (ППИ) — а также особенностей контента, потребляемого подростками Кызыла (столица Республики Тыва) различной возрастно-половой и этнической принадлежности. Но и в данном исследовании не была проведена оценка ассоциаций между типами пользования Интернетом и расстройствами психопатологического спектра. Работы, посвященные изучению ассоциаций онлайн-поведения с расстройствами психопатологического спектра единичны (Фотекова и др., 2024). Хотя, безусловно, данное направление является актуальным, что и обусловило выбор темы представленного нами исследования.

Результаты настоящего исследования подтверждают и дополняют представление о неадаптивном (НПИ) и патологическом (ППИ/ИЗ) пользовании Интернетом как о самостоятельном факторе психопатологической нагрузки в подростковом возрасте. Полученные данные согласуются с выводами крупных международных и российских работ, но вносят существенный вклад за счёт: использования валидизированного инструмента CIAS для дифференциации адаптивного, неадаптивного и патологического интернет-поведения; комплексной оценки широкого спектра психопатологических проявлений по опроснику SCL-90-R; анализа этнокультурных различий (русский и тувинский этносы) в рамках единого культурно-социального контекста.

Распространённость и структура проблемного (дезадаптивного) интернет-пользования. Доля подростков с патологическим использованием Интернетом (ППИ/ИЗ) в выборке подростков Республики Тыва (около 11%) сопоставима с данными международных мета-анализов и крупных популяционных исследований, где распространённость ППИ/ИЗ у подростков и молодёжи обычно колеблется в диапазоне 6–15% в зависимости от методики и пороговых значений используемых критериев. Российские данные по подросткам Центральной Сибири, полученные с использованием той же шкалы CIAS, демонстрируют близкие величины распространённости интернет-аддикции (около 6,8–6,9%) при высокой доле неадаптивных форм пользования (Tereshchenko et al., 2021; Эверт и др., 2020; Tereshchenko et al., 2022), что подтверждает репрезентативность и сопоставимость результатов настоящего исследования с другими региональными выборками (Restrepo et al., 2020; Bickham, 2021; Nogueira-López et al., 2023).

Установленный нами факт приблизительно равного представительства адаптивного и неадаптивного пользования Интернетом в общей выборке (по 44,6%) хорошо согласуется с выводами

о «широком субклиническом слое» подростков с НПИ, находящихся в зоне риска, но ещё не достигших уровня клинически выраженной зависимости. Зарубежные исследования показывают, что именно промежуточная группа подростков с неадаптивным использованием Интернетом (moderate/problematic use) является основным источником психопатологической симптоматики и функционального неблагополучия, тогда как выраженная интернет-зависимость встречается реже, но ассоциирована с максимально выраженными нарушениями (Nogueira-López et al., 2023; Tereshchenko et al., 2022; Becerril-Atxikallende, Jaureguizar, Galende, 2025; Guo et al., 2020; Restrepo et al., 2020).

Анализируемая в исследовании триада видов интернет-поведения (адаптивное — неадаптивное — патологическое) концептуально соответствует современным моделям континуума цифрового поведения, где акцент смещается от дихотомии «норма — патология» к представлению о риске и тяжести нарушений. Это имеет важное клиничко-профилактическое значение, поскольку позволяет не только выявлять уже сформировавшуюся интернет-зависимость, но и верифицировать большую группу подростков с неадаптивным онлайн-поведением как мишень для раннего вмешательства (Tereshchenko et al., 2022; Restrepo et al., 2020).

Психопатологические профили при различном онлайн-поведении. Наиболее значимым результатом настоящей работы является демонстрация чётко обозначенной связи между видом интернет-поведения и уровнем психопатологической симптоматики по всем анализируемым шкалам SCL-90-R и интегральным индексам (GSI, PSDI, PST). По мере перехода от АПИ к НПИ, а затем к ППИ, закономерно возрастает численность подростков с умеренно и значительно выраженными проявлениями обсессивно-компульсивной симптоматики, межличностной сензитивности, враждебности, фобической тревожности, паранойяльности и психотизма, а также интегральных показателей тяжести и широты симптоматики. Эти данные полностью согласуются с результатами крупных исследований, показавших, что ППИ/ИЗ у детей и подростков ассоциировано с более высокими уровнями как внутренней (депрессия, тревога, эмоциональные расстройства), так и внешней (агрессия, поведенческие проблемы, гиперактивность) психопатологии. Метаанализы и систематические обзоры подчёркивают устойчивую связь ППИ с депрессией, тревогой, стрессом и снижением субъективного благополучия, а также с нарушениями сна, соматической симптоматикой и повышенной частотой суицидального поведения (Bickham, 2021; Tereshchenko et al., 2021; Becerril-Atxikallende, Jaureguizar, Galende, 2025; Restrepo et al., 2020; Guo et al., 2020; Shannon et al., 2022; Winds, Plattner, 2024; Nogueira-López et al., 2023; Tereshchenko et al., 2022).

Особый интерес представляют результаты по обсессивно-компульсивной симптоматике и психотизму. В ряде работ показано, что обсессивно-компульсивные симптомы являются одним из наиболее устойчивых предикторов интернет-аддикции, тогда как депрессия, тревога, враждебность, межличностная сензитивность и психотизм в большей степени выступают последствиями или сопутствующими проявлениями сформировавшегося ППИ/ИЗ. Наши данные, фиксирующие значимый рост числа подростков со значительно выраженными обсессивно-компульсивными симптомами и психотизмом в группе ППИ по сравнению как с АПИ, так и с НПИ, хорошо вписываются в эту модель (Winds, Aebi, Plattner, 2024; Zamboni et al., 2020). Важно отметить, что аналогичная закономерность показана и в крупных выборках студентов, где по мере нарастания тяжести интернет-аддикции резко увеличивается распространённость клинически значимых депрессивных симптомов, психотизма и паранойяльности. В работах, использующих опросник SCL-90-R, неоднократно демонстрировалось, что проблемное интернет-пользование связано с более высокими баллами по всем основным шкалам опросника, включая обсессивно-компульсивные симптомы, межличностную чувствительность, враждебность, фобическую тревожность, паранойяльные идеи и психотизм (Guo et al., 2020; Zamboni et al., 2020).

Показатель широты диапазона симптоматики (PST), использованный в настоящем исследовании, дополняет эту картину, показывая, что у подростков с ППИ не только возрастает интенсивность отдельных симптомов, но и существенно расширяется спектр проблем, затрагивающих разные психопатологические домены. Такое «мультифокальное» вовлечение эмоциональной, поведенческой и когнитивной сфер отмечается и в других работах по ППИ у подростков и, вероятно, отражает переход от ограниченных реакций стресса к более генерализованному расстройству адаптации (Restrepo et al., 2020; Guo et al., 2020; Tereshchenko et al., 2022).

Агрессия, враждебность и паранойяльные тенденции. Выявленное в настоящем исследовании увеличение выраженности враждебности и паранойяльных тенденций в поведении у подростков с

ППИ особенно значимо с точки зрения риска агрессивного и асоциального поведения. Современные данные свидетельствуют о том, что ППИ и интернет-аддикция у подростков связаны с повышенной агрессивностью, включая физическую и вербальную агрессию, в том числе через посредство тревоги и эмоциональной дисрегуляции. Лонгитюдные исследования показывают, что именно чрезмерное и дисфункциональное пользование Интернетом может предшествовать росту агрессивного поведения, а не только наоборот (Zhang et al., 2022; Ran et al., 2025; Thomas et al., 2022).

Наличие связи ППИ с паранойяльными идеями и психотизмом, выявленной в настоящем исследовании, также имеет подтверждение в литературе. Показано, что тяжёлая интернет-аддикция ассоциирована с повышенной частотой психотически-подобных переживаний и паранойяльных идей. В частности, базовый уровень паранойяльности может предсказывать развитие интернет-аддикции в последующем, тогда как сформировавшаяся зависимость сама по себе усиливает выраженность психотических симптомов и связанных с ними проявлений дистресса. Это укладывается в представление о двусторонней, взаимно поддерживающейся связи между уязвимостью к психотической симптоматике и патологическим интернет-поведением (Guo et al., 2020; Lee et al., 2019; Yen-Ju et al., 2020).

Этнокультурные особенности: подростки тувинской и русской этнической принадлежности. Одной из особенностей настоящего исследования является сопоставление психопатологических профилей подростков тувинского и русского этносов в пределах одной географической и социокультурной среды. Большинство существующих исследований либо не учитывают этнический фактор, либо рассматривают его в виде косвенной ковариаты. Публикации, посвящённые Туве, в основном описывают психоэмоциональное состояние подростков и молодёжи в связи с онлайн-поведением и социально-экономическими условиями региона, но без детальной психопатологической стратификации по опроснику SCL-90-R (Фотекова и др., 2024; Эверт и др., 2023; Зайцева и др., 2024; Restrepo et al., 2020; Tereshchenko et al., 2022).

Результаты проведенного исследования показали, что ключевая закономерность — рост психопатологической нагрузки от АПИ к НПИ и ППИ — сохраняется в обеих этнических группах. Этнические различия касаются преимущественно «фона»: подростки тувинской этнической принадлежности с адаптивным интернет-поведением демонстрируют, как правило, более низкие уровни обсессивно-компульсивной симптоматики, враждебности, дистресса и общего индекса тяжести симптомов по сравнению с русскими сверстниками, тогда как при НПИ и ППИ выраженность психопатологических расстройств становится сопоставимой в обоих этносах. Это косвенно согласуется с данными о региональных и гендерных различиях в уровне эмоциональных и поведенческих проблем у российских подростков, а также с выводами о том, что цифровое поведение и психическое здоровье опосредуются целым комплексом культурных, социальных и семейных факторов (Tereshchenko et al., 2022; Семенова и др., 2020; Фотекова и др., 2024). Таким образом, можно предположить, что этнокультурный контекст в большей степени влияет на исходный уровень уязвимости и доступные стратегии совладания (в группе АПИ), тогда как при формировании патологического интернет-поведения (ППИ) универсальные механизмы аддикции и психопатологической декомпенсации нивелируют межэтнические различия.

Возможные механизмы связи ППИ и психопатологии. Современные теоретические модели (в первую очередь I-PACE-модель поведенческих аддикций) рассматривают ППИ как результат взаимодействия личностных особенностей, аффективных и когнитивных факторов и исполнительных функций самоконтроля. С этой точки зрения, подростки с повышенной эмоциональной уязвимостью (депрессия, тревога, эмоциональная нестабильность), склонностью к обсессивно-компульсивным и тревожно-подозрительным переживаниям, а также с трудностями регуляции импульсов и внимания, с большей вероятностью выбирают интернет как средство компенсации негативного аффекта, избегания реальных стрессоров и межличностных ситуаций (Ran et al., 2025; Huang, Ma, Fan, 2025; Restrepo et al., 2020; Tereshchenko et al., 2022).

В свою очередь, регулярное использование интернет-ресурсов как стратегии эмоционального «самолечения» закрепляет патологические паттерны, усиливает социальную изоляцию, нарушает сон и биоритмы, повышает уровень стресса и истощает ресурсы саморегуляции, что ведёт к нарастанию депрессии, тревоги, враждебности и других психопатологических проявлений. Лонгитюдные данные свидетельствуют о том, что часть симптомов (например, обсессивно-компульсивные)

может предшествовать развитию интернет-аддикции, тогда как рост депрессии, тревоги, враждебности, межличностной сензитивности и психотизма чаще является следствием уже сформировавшегося ППИ. Полученные в настоящей работе результаты, демонстрирующие выраженное ухудшение всех интегральных индексов опросника SCL-90-R (GSI, PSDI, PST) в группе ППИ, хорошо вписываются в эту «двойную» модель предрасположенности и усугубления (Tereshchenko et al., 2021; Becerril-Atxikallende, Jaureguizar, Galende, 2025; Shannon et al., 2022; Yen-Ju et al., 2020; Piqueras et al., 2024; Restrepo et al., 2020; Guo et al., 2020; Zhang et al., 2022).

Клинико-профилактическое и общественное значение. Совокупность полученных данных и их согласованность с данными мировой и отечественной литературы позволяют рассматривать характер интернет-поведения подростков как важный клинический маркер неблагополучия в эмоциональной и поведенческой сфере. Европейские и международные экспертные обзоры подчёркивают необходимость включения оценки ППИ в систему мониторинга психического здоровья подростков и разработки целевых профилактических программ в образовательных учреждениях. Российские исследования подростков Сибири также показывают высокий уровень распространённости ППИ и его устойчивые связи с эмоциональными и поведенческими проблемами, нарушением сна и соматическими жалобами (Эверт и др., 2020; Tereshchenko et al., 2021, 2022; Семенова и др., 2020; Nogueira-López et al., 2023; Restrepo et al., 2020; Фотекова и др., 2024).

В этом контексте использование шкалы CIAS совместно с опросником SCL-90-R, как реализовано в данном исследовании, представляется методологически обоснованным и практически целесообразным. Шкала CIAS показала хорошую надёжность и прогностическую валидность в подростковых выборках как в азиатских, так и в российских популяциях, что позволяет уверенно использовать её порог ≥ 65 баллов для верификации ППИ/ИЗ. Опросник SCL-90-R обеспечивает многомерную оценку психопатологической симптоматики и позволяет дифференцировать подходы к оказанию психологической помощи в зависимости от выраженности аффективных, тревожных, обсессивно-компульсивных, психотических и других компонентов нарушений (Effatpanah et al., 2020; Mak et al., 2014; Ko et al., 2019; Семенова и др., 2020). Практически это означает, что подростки с ППИ и особенно с ППИ должны рассматриваться как группы повышенного и высокого риска, требующие не только просветительских и поведенческих вмешательств, направленных на регуляцию онлайн-поведения, но и полноценного психологического/психиатрического обследования для выявления и коррекции сопутствующих психопатологических расстройств (Becerril-Atxikallende, Jaureguizar, Galende, 2025; Ran et al., 2025; Restrepo et al., 2020; Tereshchenko et al., 2022; Guo et al., 2020).

Ограничения исследования и направления дальнейших работ. Несмотря на значимые результаты, проведенное исследование имеет ряд ограничений, которые необходимо учитывать при интерпретации данных. Во-первых, поперечный дизайн не позволяет делать однозначные выводы о причинно-следственных связях между видом интернет-поведения и психопатологическими проявлениями. Как показывают лонгитюдные работы, связь между ППИ и психопатологией, вероятно, двусторонняя. Во-вторых, оценка строилась на самоотчётах в формате онлайн-анкетирования, что может быть сопряжено с вероятными систематическими искажениями (социальная желательность, недооценка тяжести симптомов, выборка более «цифрово включённых» подростков, см.: Yen-Ju et al., 2020; Piqueras et al., 2024; Kang et al., 2025). В-третьих, в работе использованы скрининговые психометрические инструменты, а не клиническая диагностика, поэтому речь идёт о степени выраженности симптомов, а не о нозологически очерченных расстройствах. Наконец, этническая структура выборки была асимметричной (преобладание подростков тувинской этнической принадлежности), что ограничивает возможности обобщения результатов на русскоязычную подростковую популяцию в целом.

Перспективные направления дальнейших исследований включают лонгитюдное прослеживание динамики интернет-поведения и психопатологической симптоматики, более детальный анализ роли конкретных типов онлайн-активности (игры, социальные сети, видеоконтент и др.), а также интеграцию данных о семейных, школьных, социально-экономических и травматических факторах (включая кибербуллинг и офлайн-насилие). Особое значение имеет разработка и оценка эффективности комплексных профилактических программ, сочетающих цифровую гигиену, тренинг эмоциональной регуляции, улучшение реальной социальной включённости и поддержку семейного функционирования (Ran et al., 2025; Yen-Ju et al., 2020; Restrepo et al., 2020; Tereshchenko et al., 2022; Becerril-Atxikallende, Jaureguizar, Galende, 2025).

Таким образом, учитывая широкий спектр негативных последствий интернет-зависимого поведения в виде высокой распространенности расстройств психопатологического спектра, комплексное исследование психоэмоционального статуса подростков с интернет-зависимостью представляется чрезвычайно актуальной проблемой, требующей оперативного решения. Выявление специфических особенностей и взаимосвязей в структуре их психического состояния позволит разработать более эффективные методы профилактики и психологической коррекции. В целом, полученные результаты подтверждают, что в условиях стремительной цифровизации общества оценка и модификация онлайн-поведения подростков должна стать неотъемлемой частью стратегии охраны психического здоровья на уровне как системы образования, так и службы здравоохранения.

Заключение

Проведённое скрининговое исследование психопатологических расстройств у подростков Республики Тыва в зависимости от характера онлайн-поведения позволило получить комплексные, объективно верифицируемые данные о взаимосвязи между видом интернет-пользования и выраженностью психопатологической симптоматики в популяции 1028 подростков (92,6% тувинского и 7,4% русского этноса; 37,0% лиц мужского и 63% женского пола; медиана возраста 15,0 лет). Направленность настоящего исследования, посвященного анализу коморбидности психопатологических расстройств и особенностей онлайн-поведения у подростков Тувы, во многом соответствует тематике научных исследований, проводимых как зарубежными, так и отечественными авторами.

Результаты нашей работы показали, что характер пользования Интернетом (адаптивное, неадаптивное, патологическое) представляет собой объективный, валидный и клинически значимый маркер психопатологической нагрузки у подростков, отражающий как текущий психический статус, так и перспективные риски развития более тяжёлых расстройств в подростковом и постподростковом возрасте.

Необходимы лонгитюдные исследования для оценки прогностической значимости выявленных маркеров и разработки эффективных стратегий профилактики и коррекции на основе полученных данных. Сопоставление результатов исследований, проведённых различными авторами, требует использования унифицированных методологических подходов, включая применение стандартизированных диагностических инструментов и общих критериев оценки результатов. Необходимо продолжить исследования, направленные на изучение долгосрочных последствий патологического пользования интернетом для нервно-психического здоровья подростков Тувы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Гончарова, Е. М. (2022) Особенности повышения психологической устойчивости личности подростка к деструктивному влиянию социальных сетей // Психология и педагогика служебной деятельности. № 4. С. 243–247. DOI: <https://doi.org/10.24412/2658-638X-2022-4-243-247>

Гречаний, С. В., Егоров, А. Ю., Солдаткин, В. А., Яковлев, А. Н., Илюк, Р. Д., Шмуклер, А. Б. (2020) Интернет-аддикция у молодых взрослых: формы онлайн-активности, половые различия, коморбидные психические и наркологические расстройства // Вопросы наркологии. Т. 187. № 4. С. 78–102. DOI: https://doi.org/10.47877/0234-0623_2020_4_78

Егоров, А. Ю., Гречаний, С. В., Чупрова, Н. А., Солдаткин, В. А., Яковлев, А. Н., Илюк, Р. Д., Николишин, А. Е., Понизовский, П. А., Вантей, В. Б., Громыко, Д. И. и др. (2020) Клинико-психопатологические особенности лиц с интернет-зависимостью: опыт пилотного исследования // Журнал неврологии и психиатрии им. С. С. Корсакова. Т. 120. № 3. С. 13–19. DOI: <https://doi.org/10.17116/jnevro202012003113>

Захарова, Е. М., Берникова С. М., Бакина М. И., Андреева, М. В. (2020) Проблема интернет-зависимости в школьной, молодежной и взрослой среде // Alma mater. № 12. С. 82–86. DOI: <https://doi.org/10.20339/AM.12-20.082>

Зайцева, О. И., Терещенко, С. Ю., Колодяжная, Т. А., Зайцева, Ж. Г. (2024) Психологические проблемы у подростков Республики Тыва с разными видами онлайн-поведения // Новые исследования Тувы. № 3. С. 119–135. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.3.7>

Кекеева, З. О., Уварова, Г. Н., Даржинова, С. В., Мыева, А. В., Ооржак, А. Б. (2022) Исследование сетевой идентичности студенческой молодежи регионов России (на примере Калмыкии и Тувы) // Новые исследования Тувы. № 4. С. 169–179. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.13>

Ламажаа, Ч. К. (2021) Социальная культура тувинцев и онлайн-пространство // Новые исследования Тувы. № 2. С. 115–129. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.2.10>

Нестерова, А. А., Левин, Л. М. (2020) Зарубежные и отечественные исследования интернет-зависимости и включенности в социальные сети у молодежи // Человеческий капитал. Т. 133. № 1. С. 92–99. DOI: <https://doi.org/10.25629/HC.2020.01.10>

Семенова, Н. Б., Терещенко, С. Ю., Эверт, Л. С., Шубина, М. В. (2022) Характеристика психического статуса интернет-зависимых подростков: гендерные и возрастные особенности // Профилактическая медицина. Т. 25. № 8. С. 83–89. DOI: <https://doi.org/10.17116/profmed20222508183>

Семенова, Н. Б., Терещенко, С. Ю., Эверт, Л. С., Зайцева, О. И., Шубина, М. В. (2020) Распространенность интернет-зависимости у подростков Центральной Сибири // Здравоохранение Российской Федерации. Т. 64. № 1. С. 36–44.

Фотекова, Т. А., Власова, Е. Н., Митрухина, С. В., Монгуш, Ч. Н. (2024) Выраженность тревожно-депрессивных состояний и соматизации у подростков и молодежи Тувы с разными вариантами онлайн-поведения // Новые исследования Тувы. № 3. С. 136–158. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.3.8>

Черемисина, О. О., Комаров, В. В. (2021) Влияние сети интернет на развитие личности подростка: девиации, риски и перспективы // Молодежь и современный мир: психологические проблемы взаимодействия : сборник научных трудов / отв. ред. Н. А. Коваль. Тамбов : Издательский дом «Державинский». 173 с. С. 147–151.

Эверт, Л. С., Серен-оол, С. С., Сат, Д. А. (2023) Подростки Кызыла (Республика Тыва) в онлайн-пространстве // Новые исследования Тувы. № 4. С. 237–254. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.4.17>

Эверт, Л. С., Терещенко, С. Ю., Зайцева, О. И., Семенова, Н. Б., Шубина, М. В. (2020) Интернет-зависимость у подростков Центральной Сибири: анализ распространенности и структура потребляемого контента // Бюллетень сибирской медицины. Т. 19. № 4. С. 189–197. DOI: <https://doi.org/10.20538/1682-0363-2020-4-189-197>

Becerril-Atxikallende, I., Jaureguizar, J., Galende, N. (2025) Problematic Internet Use and Psychological Distress in High School Students // Healthcare. Vol. 13. Issue 24. Article 3231. DOI: <https://doi.org/10.3390/healthcare13243231>

Bickham, D. S. (2021) Current Research and Viewpoints on Internet Addiction in Adolescents // Current Pediatrics Reports. Vol. 9. № 1. P. 1–10. DOI: <https://doi.org/10.1007/s40124-020-00236-3>

Chen, S.-H., Weng, L.-J., Su, Y.-J., Wu, H.-M., Yang, P.-F. (2003) Development of a Chinese Internet Addiction Scale and Its Psychometric Study // Chinese Journal of Psychology. Vol. 45. № 3. P. 279–294.

Derogatis, L. R., Lipman, R. S., Covi, L. (1973) SCL-90: an outpatient psychiatric rating scale-preliminary report // Psychopharmacology Bulletin. Vol. 9. № 1. P. 13–28.

Durkee, T., Carli, V., Floderus, B., Wasserman, C., Sarchiapone, M., Apter, A. et al. (2016) Pathological Internet use and risk-behaviours among European adolescents // International Journal of Environmental Research and Public Health. Vol. 13. Issue 3. Article 294. DOI: <https://doi.org/10.3390/ijerph13030294>

Effatpanah, M., Moharrami, M., Rajabi Damavandi, G., Aminikhah, M., Hosein Nezhad, M., Khatami, F., Arjmand, T., Tarighatnia, H., Yekaninejad, M. S. (2020) Association of Internet Addiction with Emotional and Behavioral Characteristics of Adolescents // Iranian Journal of Psychiatry. Vol. 15. № 1. P. 55–66.

Guo, W., Tao, Y., Li, X., Lin, X., Meng, Y., Yang, X., Wang, H., Zhang, Y., Tang, W., Wang, Q. et al. (2020) Associations of Internet Addiction Severity With Psychopathology, Serious Mental Illness, and Suicidality: Large-Sample Cross-Sectional Study // Journal of medical Internet research. Vol. 22. № 8. Article e17560. DOI: <https://doi.org/10.2196/17560>

Hayat, M., Shahla, S., Summiya, A. (2024) Problematic Internet Use and Mental Health: The Road to Violence // Violence and Gender. Vol. 11. Issue 3. DOI: <https://doi.org/10.1089/vio.2023.0059>

Huang, S., Ma, Z., Fan, F. (2025). Unraveling the core symptoms across distinct trajectories of problematic Internet use among 27,577 adolescents: Cross-lagged panel network analyses // Addictive Behaviors. Vol. 167. Article 108356. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.addbeh.2025.108356>

Jayanti, M., Manas R. B., Rituparna, M., Priyadarsini, S., Pranab, K. M. Sonali, Kar (2024) Prevalence and Impact of Internet Addiction Disorder Among Adolescents and Young Adults // The Open Public Health Journal. Vol. 17. Article e18749445345806. DOI: <https://doi.org/10.2174/0118749445345806241010081642>

Kang, Y., Feng, X., Zhang, T., Yin, K., Wang, P. (2025) From comfortable to conflicted: a three-year longitudinal symptom evolution of problematic Internet use among junior high school students // Frontiers in Psychiatry. Vol. 16. Article 1635911. DOI: <https://doi.org/10.3389/fpsy.2025.1635911>

Ko, C. H., Chen, S. H., Wang, C. H., Tsai, W. X., Yen, J. Y. (2019) The Clinical Utility of the Chen Internet Addiction Scale-Gaming Version, for Internet Gaming Disorder in the DSM-5 among Young Adults // *International Journal of Environmental Research and Public Health*. Vol. 16. Issue 21. Article 4141. DOI: <https://doi.org/10.3390/ijerph16214141>

Lee, J.-Y., Ban, D., Kim, S.-Y., Kim, J.-M., Shin, I.-S., Yoon, J.-S., Kim, S.-W. (2019) Negative Life Events and Problematic Internet Use as Factors Associated With Psychotic-Like Experiences in Adolescents // *Frontiers in Psychiatry*. № 10. Article 369. DOI: <https://doi.org/10.3389/fpsyt.2019.00369>

Mak, K. K., Lai, C. M., Ko, C. H., Chou, C., Kim, D. I., Watanabe, H., Ho, R. C. (2014) Psychometric properties of the Revised Chen Internet Addiction Scale (CIAS-R) in Chinese adolescents // *Journal of abnormal child psychology*. Vol. 42. P. 1237–1245. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10802-014-9851-3>

Nogueira-López, A., Rial-Boubeta, A., Guadix-García, I., Villanueva-Blasco, V. J., Billieux, J. (2023) Prevalence of problematic Internet use and problematic gaming in Spanish adolescents // *Psychiatry research*. Vol. 326. Article 115317. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.psychres.2023.115317>

Peterka-Bonetta, J., Sindermann, C., Sha, P., Zhou, M., Montag, C. (2019) The relationship between Internet Use Disorder, depression and burnout among Chinese and German college students // *Addictive Behaviors Reports*. Vol. 89. № 2. P. 188–199. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.addbeh.2018.08.011>

Piqueras, J. A., Rico-Bordera, P., Galán, M., García-Oliva, C., Marzo, J. C., Pineda, D. (2024) Problematic internet use profiles and their associated factors among adolescents // *Journal of Research on Adolescence*. Vol. 34. № 4. P. 1471–1485. DOI: <https://doi.org/10.1111/jora.13014>

Rajanna, K., Sathyanath, S. M. (2021) Problematic internet use, depression, stress and anxiety among adolescents in an urban area in South India: a cross sectional study // *International Journal Of Community Medicine And Public Health*. Vol. 8. № 7. P. 3385–3393. DOI: <https://doi.org/10.18203/2394-6040.ijcmph20212592>

Ran, J., Xu, J., Luo, D., Li, T., Xu, J. (2025) Problematic internet use and aggression in Chinese middle school students: mediation effect of reality social connectedness // *Frontiers in Public Health*. № 13. Article 1587400. DOI: <https://doi.org/10.3389/fpubh.2025.1587400>

Restrepo, A., Scheininger, T., Clucas, J., Alexander, L., Salum, G. A., Georgiades, K., Paksarian, D., Merikangas, K. R., Milham, M. P. (2020) Problematic internet use in children and adolescents: associations with psychiatric disorders and impairment // *BMC Psychiatry*. Vol. 20. № 1. Article 252. DOI: <https://doi.org/10.1186/s12888-020-02640-x>

Shannon, H., Bush, K., Villeneuve, P. J., Hellemans, K. G., Guimond, S. (2022) Problematic Social Media Use in Adolescents and Young Adults: Systematic Review and Meta-analysis // *JMIR mental health*. Vol. 9. № 4. Article e33450. DOI: <https://doi.org/10.2196/33450>

Tereshchenko, S. Y. (2023) Neurobiological risk factors for problematic social media use as a specific form of Internet addiction: A narrative review // *World Journal of Psychiatry*. Vol. 13, № 5. P. 160–173. DOI: <https://doi.org/10.5498/wjp.v13.i5.160>

Tereshchenko, S., Kasparov, E., Semenova, N., Shubina, M., Gorbacheva, N., Novitskii, I., Moskalenko, O., Lapteva, L. (2022) Generalized and Specific Problematic Internet Use in Central Siberia Adolescents: A School-Based Study of Prevalence, Age-Sex Depending Content Structure, and Comorbidity with Psychosocial Problems // *International Journal of Environmental Research and Public Health*. Vol. 19. № 13. Article 7593. DOI: <https://doi.org/10.3390/ijerph19137593>

Tereshchenko, S., Kasparov, E., Smolnikova, M., Shubina, M., Gorbacheva, N., Moskalenko, O. (2021) Internet Addiction and Sleep Problems among Russian Adolescents: A Field School-Based Study // *International journal of environmental research and public health*. Vol. 18. № 19. Article 10397. DOI: <https://doi.org/10.3390/ijerph181910397>

Thomas, C. L., Ingels, D. J., Kazmi, M. A., Ohu, E. A., Belle, C., Spitzmueller, C. (2022) Adolescents' problematic internet use in secondary school students in Lagos, Nigeria: A preliminary examination of individual and family-based predictors and consequences // *Computers in Human Behavior*. Vol. 132. Article 107247. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.chb.2022.107247>

Winds, K., Aebi, M., Plattner, B. (2024) Problematic Internet Use Among Adolescent Male and Female Psychiatric Inpatients: A Gender Perspective // *Child psychiatry and human development*. Vol. 55. № 2. P. 497–509. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10578-022-01408-6>

Yen-Ju, Lin., Ray, C. Hsiao, Tai-Ling, Liu., Cheng-Fang, Yen (2020) Bidirectional relationships of psychiatric symptoms with internet addiction in college students: A prospective study // *Journal of the Formosan Medical Association*. Vol. 119. № 6. P. 1093–1100. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jfma.2019.10.006>

Zamboni, L., Portoghese, I., Congiu, A., Carli, S., Munari, R., Federico, A., Centoni, F., Rizzini, A. L., Lugoboni, F. (2020) Internet Addiction and Related Clinical Problems: A Study on Italian Young Adults // *Frontiers in Psychology*. № 11. Article 571638. DOI: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2020.571638>

Zhang, Y., Hou, Z., Wu, S., Li, X., Hao, M., Wu, X. (2022) The relationship between internet addiction and aggressive behavior among adolescents during the COVID-19 pandemic: Anxiety as a mediator // *Acta psychologica*. Vol. 227. Article 103612. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.actpsy.2022.103612>

Дата поступления: 23.01.2026 г.

Дата принятия: 16.04.2026 г.

REFERENCES

Goncharova, E. M. (2022) Features of increasing the psychological resilience of an adolescent's personality to the destructive influence of social networks. *Psikhologiya i pedagogika sluzhebnoi deyatel'nosti*, no. 4, pp. 243–247. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.24412/2658-638X-2022-4-243-247>

Grechanyi, S. V., Egorov, A. Yu., Soldatkin, V. A., Yakovlev, A. N., Ilyuk, R. D. and Shmukler, A. B. (2020) Internet addiction in young adults: forms of online activity, gender differences, comorbid mental and substance use disorders. *Voprosy narkologii*, vol. 187, no. 4, pp. 78–102. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.47877/0234-0623_2020_4_78

Egorov, A. Yu., Grechanyi, S. V., Chuprova, N. A., Soldatkin, V. A., Yakovlev, A. N., Ilyuk, R. D., Nikolishin, A. E., Ponizovskii, P. A., Vantei, V. B., Gromyko, D. I. et al. (2020) Clinical and psychopathological characteristics of individuals with Internet addiction: a pilot study. *Zhurnal nevrologii i psikiatrii im. S. S. Korsakova*, vol. 120, no. 3, pp. 13–19. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17116/jnevro202012003113>

Zakharova, E. M., Bernikova, S. M., Bakina, M. I. and Andreeva, M. V. (2020) The problem of Internet addiction among schoolchildren, young people and adults. *Alma mater*, no. 12, pp. 82–86. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.20339/AM.12-20.082>

Zaitseva, O. I., Tereshchenko, S. Yu., Kolodyazhnaya, T. A. and Zaitseva, Zh. G. (2024) Psychological problems in adolescents of the Republic of Tuva with different types of online behavior. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 119–135. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.3.7>

Kekeeva, Z. O., Uvarova, G. N., Darzhinova, S. V., Mueva, A. V. and Oorzhak, A. B. (2022) A study of the online identity of university students in Russian regions (the case of Kalmykia and Tuva). *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 169–179. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.13>

Lamazhaa, Ch. K. (2021) Social culture of the Tuvans and online space. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 115–129. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.2.10>

Nesterova, A. A. and Levin, L. M. (2020) Foreign and Russian studies of Internet addiction and social media involvement among young people. *Chelovecheskii kapital*, vol. 133, no. 1, pp. 92–99. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25629/HC.2020.01.10>

Semenova, N. B., Tereshchenko, S. Yu., Evert, L. S. and Shubina, M. V. (2022) Characteristics of the mental status of Internet-dependent adolescents: gender and age features. *Profilakticheskaya meditsina*, vol. 25, no. 8, pp. 83–89. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17116/profmed20222508183>

Semenova, N. B., Tereshchenko, S. Yu., Evert, L. S., Zaitseva, O. I. and Shubina, M. V. (2020) Prevalence of Internet addiction among adolescents in Central Siberia. *Zdravookhranenie Rossiiskoi Federatsii*, vol. 64, no. 1, pp. 36–44. (In Russ.)

Fotekova, T. A., Vlasova, E. N., Mitrukhina, S. V. and Mongush, Ch. N. (2024) Severity of anxiety-depressive states and somatization in adolescents and young people in Tuva with different variants of online behavior. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 136–158. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.3.8>

Cheremisina, O. O. and Komarov, V. V. (2021) The influence of the Internet on the development of an adolescent's personality: deviations, risks and prospects. In: *Youth and the modern world: psychological problems of interaction: collection of scientific papers* / ed. by N. A. Koval. Tambov, Izdatelskii dom "Derzhavinskii". 173 p. P. 147–151. (In Russ.)

Evert, L. S., Seren-ool, S. S. and Sat, D. A. (2023) Adolescents of Kyzyl (Republic of Tuva) in online space. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 237–254. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.4.17>

Evert, L. S., Tereshchenko, S. Yu., Zaitseva, O. I., Semenova, N. B. and Shubina, M. V. (2020) Internet addiction among adolescents in Central Siberia: analysis of prevalence and the structure of consumed content. *Byulleten sibirskoi meditsiny*, vol. 19, no. 4, pp. 189–197. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.20538/1682-0363-2020-4-189-197>

- Becerril-Atxikallende, I., Jaureguizar, J. and Galende, N. (2025) Problematic Internet Use and Psychological Distress in High School Students. *Healthcare*, vol. 13, issue 24, article 3231. DOI: <https://doi.org/10.3390/healthcare13243231>
- Bickham, D. S. (2021) Current Research and Viewpoints on Internet Addiction in Adolescents. *Current Pediatrics Reports*, vol. 9, no. 1, pp. 1–10. DOI: <https://doi.org/10.1007/s40124-020-00236-3>
- Chen, S.-H., Weng, L.-J., Su, Y.-J., Wu, H.-M. and Yang, P.-F. (2003) Development of a Chinese Internet Addiction Scale and Its Psychometric Study. *Chinese Journal of Psychology*, vol. 45, no. 3, pp. 279–294.
- Derogatis, L. R., Lipman, R. S. and Covi, L. (1973) SCL-90: an outpatient psychiatric rating scale-preliminary report. *Psychopharmacology Bulletin*, vol. 9, no. 1, pp. 13–28.
- Durkee, T., Carli, V., Floderus, B., Wasserman, C., Sarchiapone, M., Apter, A. et al. (2016) Pathological Internet use and risk-behaviours among European adolescents. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, vol. 13, issue 3, article 294. DOI: <https://doi.org/10.3390/ijerph13030294>
- Effatpanah, M., Moharrami, M., Rajabi Damavandi, G., Aminikhah, M., Hosein Nezhad, M., Khatami, F., Arjmand, T., Tarighatnia, H. and Yekaninejad, M. S. (2020) Association of Internet Addiction with Emotional and Behavioral Characteristics of Adolescents. *Iranian Journal of Psychiatry*, vol. 15, no. 1, pp. 55–66.
- Guo, W., Tao, Y., Li, X., Lin, X., Meng, Y., Yang, X., Wang, H., Zhang, Y., Tang, W., Wang, Q. et al. (2020) Associations of Internet Addiction Severity With Psychopathology, Serious Mental Illness, and Suicidality: Large-Sample Cross-Sectional Study. *Journal of medical Internet research*, vol. 22, no. 8, article e17560. DOI: <https://doi.org/10.2196/17560>
- Hayat, M., Shahla, S. and Summiya, A. (2024) Problematic Internet Use and Mental Health: The Road to Violence. *Violence and Gender*, vol. 11, issue 3. DOI: <https://doi.org/10.1089/vio.2023.0059>
- Huang, S., Ma, Z. and Fan, F. (2025) Unraveling the core symptoms across distinct trajectories of problematic Internet use among 27,577 adolescents: Cross-lagged panel network analyses. *Addictive Behaviors*, vol. 167, article 108356. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.addbeh.2025.108356>
- Jayanti, M., Manas R. B., Rituparna, M., Priyadarsini, S., Pranab, K. M. and Sonali, K. (2024) Prevalence and Impact of Internet Addiction Disorder Among Adolescents and Young Adults. *The Open Public Health Journal*, vol. 17, article e18749445345806. DOI: <https://doi.org/10.2174/0118749445345806241010081642>
- Kang, Y., Feng, X., Zhang, T., Yin, K. and Wang, P. (2025) From comfortable to conflicted: a three-year longitudinal symptom evolution of problematic Internet use among junior high school students. *Frontiers in Psychiatry*, vol. 16, article 1635911. DOI: <https://doi.org/10.3389/fpsy.2025.1635911>
- Ko, C. H., Chen, S. H., Wang, C. H., Tsai, W. X. and Yen, J. Y. (2019) The Clinical Utility of the Chen Internet Addiction Scale-Gaming Version, for Internet Gaming Disorder in the DSM-5 among Young Adults. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, vol. 16, issue 21, article 4141. DOI: <https://doi.org/10.3390/ijerph16214141>
- Lee, J.-Y., Ban, D., Kim, S.-Y., Kim, J.-M., Shin, I.-S., Yoon, J.-S. and Kim, S.-W. (2019) Negative Life Events and Problematic Internet Use as Factors Associated With Psychotic-Like Experiences in Adolescents. *Frontiers in Psychiatry*, no. 10, article 369. DOI: <https://doi.org/10.3389/fpsy.2019.00369>
- Mak, K. K., Lai, C. M., Ko, C. H., Chou, C., Kim, D. I., Watanabe, H. and Ho, R. C. (2014) Psychometric properties of the Revised Chen Internet Addiction Scale (CIAS-R) in Chinese adolescents. *Journal Of Abnormal Child Psychology*, vol. 42, pp. 1237–1245. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10802-014-9851-3>
- Nogueira-López, A., Rial-Boubeta, A., Guadix-García, I., Villanueva-Blasco, V. J. and Billieux, J. (2023) Prevalence of problematic Internet use and problematic gaming in Spanish adolescents. *Psychiatry research*, vol. 326, article 115317. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.psychres.2023.115317>
- Peterka-Bonetta, J., Sindermann, C., Sha, P., Zhou, M. and Montag, C. (2019) The relationship between Internet Use Disorder, depression and burnout among Chinese and German college students. *Addictive Behaviors Reports*, vol. 89, no. 2, pp. 188–199. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.addbeh.2018.08.011>
- Piqueras, J. A., Rico-Bordera, P., Galán, M., García-Oliva, C., Marzo, J. C. and Pineda, D. (2024) Problematic internet use profiles and their associated factors among adolescents. *Journal of Research on Adolescence*, vol. 34, no. 4, pp. 1471–1485. DOI: <https://doi.org/10.1111/jora.13014>
- Rajanna, K. and Sathyanath, S. M. (2021) Problematic internet use, depression, stress and anxiety among adolescents in an urban area in South India: a cross sectional study. *International Journal Of Community Medicine And Public Health*, vol. 8, no. 7, pp. 3385–3393. DOI: <https://doi.org/10.18203/2394-6040.ijcmph20212592>

Ran, J., Xu, J., Luo, D., Li, T. and Xu, J. (2025) Problematic internet use and aggression in Chinese middle school students: mediation effect of reality social connectedness. *Frontiers in Public Health*, no. 13, article 1587400. DOI: <https://doi.org/10.3389/fpubh.2025.1587400>

Restrepo, A., Scheininger, T., Clucas, J., Alexander, L., Salum, G. A., Georgiades, K., Paksarian, D., Merikangas, K. R. and Milham, M. P. (2020) Problematic internet use in children and adolescents: associations with psychiatric disorders and impairment. *BMC Psychiatry*, vol. 20, no. 1, article 252. DOI: <https://doi.org/10.1186/s12888-020-02640-x>

Shannon, H., Bush, K., Villeneuve, P. J., Hellemans, K. G. and Guimond, S. (2022) Problematic Social Media Use in Adolescents and Young Adults: Systematic Review and Meta-analysis. *JMIR mental health*, vol. 9, no. 4, article e33450. DOI: <https://doi.org/10.2196/33450>

Tereshchenko, S. Y. (2023) Neurobiological risk factors for problematic social media use as a specific form of Internet addiction: A narrative review. *World Journal of Psychiatry*, vol. 13, no. 5, pp. 160–173. DOI: <https://doi.org/10.5498/wjp.v13.i5.160>

Tereshchenko, S., Kasparov, E., Semenova, N., Shubina, M., Gorbacheva, N., Novitskii, I., Moskalenko, O. and Lapteva, L. (2022) Generalized and Specific Problematic Internet Use in Central Siberia Adolescents: A School-Based Study of Prevalence, Age-Sex Depending Content Structure, and Comorbidity with Psychosocial Problems. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, vol. 19, no. 13, article 7593. DOI: <https://doi.org/10.3390/ijerph19137593>

Tereshchenko, S., Kasparov, E., Smolnikova, M., Shubina, M., Gorbacheva, N. and Moskalenko, O. (2021) Internet Addiction and Sleep Problems among Russian Adolescents: A Field School-Based Study. *International journal of environmental research and public health*, vol. 18, no. 19, article 10397. DOI: <https://doi.org/10.3390/ijerph181910397>

Thomas, C. L., Ingels, D. J., Kazmi, M. A., Ohu, E. A., Belle, C. and Spitzmueller, C. (2022) Adolescents' problematic internet use in secondary school students in Lagos, Nigeria: A preliminary examination of individual and family-based predictors and consequences. *Computers in Human Behavior*, vol. 132, article 107247. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.chb.2022.107247>

Winds, K., Aebi, M. and Plattner, B. (2024) Problematic Internet Use Among Adolescent Male and Female Psychiatric Inpatients: A Gender Perspective. *Child psychiatry and human development*, vol. 55, no. 2, pp. 497–509. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10578-022-01408-6>

Yen-Ju, Lin., Ray, C. Hsiao, Tai-Ling, Liu. and Cheng-Fang, Yen (2020) Bidirectional relationships of psychiatric symptoms with internet addiction in college students: A prospective study. *Journal of the Formosan Medical Association*, vol. 119, no. 6, pp. 1093–1100. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jfma.2019.10.006>

Zamboni, L., Portoghesi, I., Congiu, A., Carli, S., Munari, R., Federico, A., Centoni, F., Rizzini, A. L. and Lugoboni, F. (2020) Internet Addiction and Related Clinical Problems: A Study on Italian Young Adults. *Frontiers in Psychology*, no. 11, article 571638. DOI: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2020.571638>

Zhang, Y., Hou, Z., Wu, S., Li, X., Hao, M. and Wu, X. (2022) The relationship between internet addiction and aggressive behavior among adolescents during the COVID-19 pandemic: Anxiety as a mediator. *Acta psychologica*, vol. 227, article 103612. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.actpsy.2022.103612>

Submission date: 23.01.2026.

Acceptance date: 16.04.2026.